

ДОЧЬ ВОЛКА

Андрей ДЫШЕВ
**ДОБРО
ПОЖАЛОВАТЬ
В АД**

Дочь волка и Кирилл Вацура

Андрей Дышев

Добро пожаловать в ад

«Андрей Дышев»

2008

Дышев А. М.

Добро пожаловать в ад / А. М. Дышев — «Андрей Дышев»,
2008 — (Дочь волка и Кирилл Вацура)

В горном Крыму расположена секретная воинская часть. Ни местные жители, ни органы правопорядка не знают, кто в ней служит и чем занимается личный состав. Только одна чудаковатая девушка утверждает, что эта воинская часть «нехорошая», странная. В ней якобы служит ее возлюбленный, да только на письма не откликается, со службы не возвращается — словом, как в воду канул. К кому только не обращалась за помощью — все тщетно! Частному детективу Кириллу Вацуре, как бывшему спецназовцу, несложно было бы разыскать пропавшего бойца, да вот только «воинскими делами» его сыскное агентство не занимается. Впрочем, не занималось до поры до времени. После того как над Черным морем был сбит пассажирский самолет Ту-154, а несложные расчеты курса точно указали, что выпущена ракета была именно с той самой злополучной воинской части, Вацура приступил к расследованию. И ужаснулся тому, что ему стало известно...

© Дышев А. М., 2008

© Андрей Дышев, 2008

Содержание

От автора	6
Глава первая. Нормальное состояние животного	7
Глава вторая. Бардачок	13
Глава третья. Требуется гениальный адвокат	21
Глава четвертая. Штопор	27
Глава пятая. Непорочный холостяк	32
Глава шестая. Карты раскрыты	39
Глава седьмая. На мосту	43
Глава восьмая. Взгляд в туман	48
Глава девятая. Крючок и приманка	52
Глава десятая. Напоролся на гвоздь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Дышев

Добро пожаловать в ад

Андрей Дышев

* * *

От автора

Всё в этом романе – плод моего воображения, не имеющий с реальными событиями ничего общего.

Глава первая. Нормальное состояние животного

Было уже конец рабочего дня, когда я подъехал к своей конторе. Тень от акации, под которой я обычно парковал свой “жигуль”, отползла далеко в сторону. К тому же, на ней, как лягушка на листе лилии, прохладился чей-то черный «ленд-крузер» с темными, словно слепыми, стеклами. Наверное, машина кого-то ждала, так как мотор не был заглушен и, по-видимому, в салоне работал кондиционер. Мне пришлось поставить «жигуль» у самого входа в наше агентство, под прикрытием козырька, где на прохладной кафельной плитке развалился крупный рыжий пес – дворовый бродяга по кличке Байкал.

Закинув на плечо спортивную сумку, я вышел из машины, переступил через млеющее животное и по привычке взглянул на аляповатую табличку «Частное детективное агентство». Табличка выцвела, надпись можно было прочесть с превеликим трудом, вдобавок, от нее отвалился кусочек нижнего уголка. Ирэн уже второй год обещала обновить символ нашей фирмы, но ей никак не удавалось сдержать слово. Впрочем, я не слишком на этом настаивал. Кому надо, найдет наше агентство без всякой таблички, в густом тумане и непроглядной ночью. А налоговые инспекторы и криминальные элементы пусть ломают глаза, пытаясь разобрать, что здесь написано.

По раскрошенным, словно куски мокрого сахара-рафинада, ступеням я спустился вниз и перешагнул порог своего заведения.

Зайдя в кабинет, я прибавил холода рукояткой на кондиционере и плюхнулся в кресло. От вида разбросанных по столу счетов и заявлений мне стало дурно, и я повернулся лицом к большому, в полстены, тонированному стеклу, которое отделяло мой кабинет от комнаты, в которой работали мои сыщики. Эту штуку я придумал сам. С моей стороны стекло было прозрачным. С другой – зеркальным. Те, кто находился в соседнем кабинете, не видели и не слышали меня. Я же мог не только любоваться работой подчиненных, но при желании послушать через наушники их разговоры.

Ирэн была в кабинете не одна. Сначала мне показалось, что она, расслабленно сидя на диване перед журнальным столиком, треплется с подругой. Ее собеседница, в самом деле, вела себя как подруга. Она была приблизительно того же возраста, что и Ирэн – лет двадцати пяти, от силы двадцати восьми. Вытянутую кверху яйцевидную голову покрывал белый, словно седины, «ёжик», который контрастно оттенял бронзовый загар. Черты лица ее были крупными, грубыми, я бы сказал, вульгарными, и в сравнении с ней Ирэн выглядела настоящей леди и просто красавицей. На ушах молодой особы висели тяжелые пластиковые серьги в виде широких колец с золотыми шариками внутри. Как и у Ирэн, на ее пальцах сидели многочисленные перстни из белого металла замысловатой формы, а шею отягощала дюжина разнокалиберных цепочек и бус. Посетительница что-то говорила – эмоционально и быстро, при этом она то подносила к губам сигарету, то доверительно касалась руки Ирэн, словно хотела заверить ее, что говорит правду и только правду. Ирэн слушала ее не перебивая. Одна рука ее лежала на колене, второй она держала сигарету в длинном мундштуке. Нога ее методично покачивалась, словно маятник метронома. Незнакомка поставила на столик плетеную веревочную сумочку, достала из нее какие-то бумажки и фотографии и стала показывать их Ирэн. Лицо Ирэн не изменилось. Она всегда слушала клиентов терпеливо, бесстрастно и с неизменным вниманием, как врач выслушивает престарелого пациента, жалующегося на старческую немощь. Но интуиция подсказывала мне, что проблема, с которой дамочка с седым «ёжиком» пришла в агентство, выведенного яйца не стоит.

Нездоровый блеск глаз клиентки, и ее неповоротливые, мокрые от слюны губы напрочь отбили у меня желание въезжать в суть ее проблем. К нам нередко заходили личности, вроде этой дурнушки с искусственной сединой. У большинства из них не было денег, чтобы оплатить

нашу работу, да и не нуждались они ни в каком сыске. Они просто хотели излить душу, выговориться, и подробно рассказать нам про гулящих мужей, подлых любовниц, вредных свекровей или коварных соседей, а потом, вдоволь наплакавшись и до одури накурившись, они уходили, чтобы больше не появиться никогда.

Я встал с кресла, подошел к холодильнику и достал оттуда бутылку минералки. Свинтил крышку, сделал несколько больших глотков. Кипящая от уголекислоты вода обожгла горло, и на глазах у меня выступили слезы. За все лето не было ни одного серьезного заказа. От безделья из агентства ушли почти все сотрудники. Ирэн почему-то осталась, хотя я не баловал ее деньгами. После жуткой истории, которая случилась в школе Кажмы, я стал доверять ей криминал, хотя мы занимались им нелегально, а Ирэн официально числилась у меня инспектором по чистоте коммерческих сделок (в сокращенном варианте – инспектор по чистоте). Не могу сказать, что работала она с упоением, которое так ценят начальники в подчиненных. И деньги на жизнь она зарабатывала не у меня, а в юридической консультации. Это была загадка – почему она каждое утро с педантичной точностью приходила в агентство и начинала рабочий день с того, что готовила мне кофе.

Может, она была влюблена в меня?

Я кинул взгляд на стекло. Ирэн не могла меня видеть, но ее глаза были устремлены в мою сторону: она чувствовала мое присутствие рядом и мысленно спрашивала: ты слушаешь нас? может быть, пригласить ее к тебе? Свет от настенного бра, падающий на ее лицо отвесно, смыл все тени, и матовая кожа Ирэн с ровным кофейным загаром представлялась мне чем-то вроде полотна художника, который успел нарисовать лишь выразительные, чуть раскосые сливовые глаза, да ярко красные губы с идеальным контуром. Высокий лоб Ирэн, который обычно свойственен натурам утонченным и деловым, был ошибкой природы. Ирэн была далека от стремления сделать себе карьеру. Скорее всего, ей просто доставляло удовольствие играть роль сотрудницы сыскного агентства, и с этой ролью она неплохо справлялась. В самом деле, складывалось впечатление, что имеешь дело с серьезной дамой, наделенной мужскими чертами и деловой хваткой. Но мне было хорошо известно, что истинная суть Ирэн – в игре. И нет у нее никаких мужских черт и деловой хватки. Ирэн была взбалмошной и довольно легкомысленной девчонкой (мне хотелось называть ее именно девчонкой, несмотря на ее двадцать восемь лет!), и она была ранима, и авантюрна, и любила вино, шумные компании, полуночные бдения, и детские игры. Она мне нравилась. С Ирэн я всегда общался без напряжения; я бы сказал, что общение с ней действовало на меня успокаивающе, как сеанс релаксации. Ирэн поглощала мои нервные молнии или вспышки злости так же, как космические черные дыры поглощают свет – отрицательная энергия попросту растворялась в ней и исчезала бесследно. Наверное, потому я так любил безобидно подшучивать над ней и получать ответные уколы, ибо эта нежная игра никогда не перерастала в конфликт.

Я снова заглянул в холодильник – нет ли там напитка с более выразительным вкусом и эффектом? Например, моего любимого красного вина урожая 1989 года – именно того года, когда я только вернулся из Афгана домой, худой, с большой печенью и раненой ногой, без денег в кармане и перспектив их иметь. Но моего любимого вина, как, собственно, и нелюбимого, в холодильнике не оказалось, и я вернулся в кресло. Не успел я нацепить очки и просмотреть первый счет, как Ирэн вошла ко мне.

– Ты все слышал? – спросила она, прикрыв за собой дверь, и кивнула на стекло. Незнакомка, не догадываясь о том, что за ней подсматривают, встала с дивана и принялась прохаживаться по комнате, кидая любопытные взгляды на столы, заваленные рабочим мусором.

Я снял очки. Почему-то я стыдился носить их при Ирэн.

– Я увидел твои тоскливые глаза, и мне этого стало достаточно.

– Летом ты становишься ленивым, как откормленный кот, – заметила Ирэн, и по своей милой привычке присела на край моего стола. – По-моему, дело интересное.

– Лень – это не порок, а признак благополучия, – отпарировал я, слегка задетый не совсем удачным сравнением с откормленным котом. – Если человек лениться работать, значит, он вполне удовлетворен жизнью, свободой и своим положением.

Ирэн, в свою очередь, пришлось не по душе мое заявление об удовлетворенной жизни и свободе. Ей очень хотелось, чтобы меня, как и ее, угнетали одиночество, холостяцкая квартира, отсутствие семьи и детей. Она на мгновение задумалась, как бы ловчее и больнее ущипнуть меня еще раз, но я признал ничью и, не поднимаясь из-за стола, снова открыл дверцу холодильника. На сей раз я посмотрел в его пустое нутро, словно в зимнюю тундру. По моему печальному выражению на лице Ирэн должна была догадаться, что я не прочь выпить вина. Она знала, какое из красных вин я предпочитаю, знала, что 1989 год для меня особенный, что употребление вина именно этого года для меня является своеобразной традицией, ритуалом, данью памяти... И потому всегда держала в нижнем ящике своего стола заветную бутылочку.

– Одно плохо: она не может сейчас заплатить нам, – произнесла Ирэн, глядя вовсе не на меня, а сквозь стекло на клиентку, которая торопливо просматривала бумажки, раскиданные на столе. – Но мы можем взять с нее расписку.

– У меня складывается впечатление, что внешность этой дамы намного интереснее, чем дело, с которым она пришла к нам, – сказал я, с опозданием понимая, что раскрутить Ирэн на вино теперь будет еще труднее.

– Интересная внешность? – фыркнула Ирэн, не сводя глаз с посетительницы. – Она напоминает мне малярную кисточку, которую после работы забыли отмыть... Однако, какая она наглая!.. Ты посмотри, посмотри! Она читает письмо от моего бойфренда!

Реплику про бойфренда я не мог оставить безнаказанной.

– Да, прическа у нее ужасная, – тотчас ответил я, – зато фигура неплохая.

Ирэн так резко повернула голову в мою сторону, что ее волосы подобно вуали закрыли лицо.

– Я всегда знала, что у тебя дурной вкус.

Всё, о вине урожая 1989 года, как, впрочем, и рожденных в другие годы, теперь можно забыть. Что ж, обойдусь. Тем более что оно наверняка теплое, как чай в столовке. Ненавижу теплые вина!

– И что интересного она тебе рассказала? – как ни в чем не бывало спросил я.

Ирэн встала со стола, прислонилась спиной к стеклу, чтобы я не мог видеть нашу посетительницу, сложила на груди руки и скрестила ноги. Теперь она напоминала средиземноморскую сосну с крученым стволом.

– История любви и разлуки, – ответила Ирэн. – Кто-то что-то напутал или в военкомате, или в воинской части, в общем, эта дамочка потеряла своего возлюбленного, который служит в армии.

– Военными проблемами мы не занимаемся, – отрезал я.

– Я так ей и сказала. Но она очень просит, чтобы мы ей помогли. Обещает через два-три месяца прилично заплатить.

– Прилично – это сколько?

– Она не уточнила.

Мы немного помолчали. Ирэн продолжала греть спиной стекло и изображать сосну, вовсе не замечая, что посетительница переместилась в другой конец комнаты и снова попала в поле моего зрения. Теперь она изучала стеллаж, на котором стояли подшивки с документами.

– Лень – это нормальное состояние всякого животного, – вдруг вернулся я к исчерпанной и вроде как закрытой теме. – Животное лениво, когда сыто. В это время оно переваривает пищу, греется на солнышко, играет с детенышами или спаривается.

Ход моих мыслей понравился Ирэн. У нее даже глаза заблестели. Но я немедленно вернулся к делу:

– Давай коротко, в двух словах.

Что мне нравилось в Ирэн, так это ее феноменальная память и умение отделять мух от котлет, то есть работу от всего того, что называется личной жизнью.

– Три года назад ее парень пошел служить в армию и пропал без вести, – сходу начала Ирэн. – Это некто Максим Блинов. Она очень переживала, плакала, писала письма в воинскую часть, в госпиталь, в лабораторию, но никакого результата. Время прошло, девичьи слезы высохли, она стала думать о будущей жизни. Решила разменять трехкомнатную квартиру, в которой проживает вместе с мамой, на две однокомнатные. Тут же объявился риэлтор, который пообещал найти подходящий вариант...

Наша подопечная, изучив стеллаж, снова вернулась к столу, склонилась над зеркальцем, стоящим рядом с письменным прибором, и вытянула пухлые губы, словно хотела поцеловать свое отражение. Короткая гофрированная юбка позволяла как следует рассмотреть ее ноги. Я, конечно, соврал. Фигура у незнакомки была так себе. Взгляду зацепиться не за что. Ирэн выглядела намного лучше, потому что с головой у нее было все в порядке. Она скорее бы умерла, чем стала бы стричься под «ёжик» и красить волосы в белый цвет. Ирэн во всем знала меру, и мне никогда не приходилось краснеть за нее в присутствии посторонних. Если бы она не была моей подчиненной, если бы мы встретились недавно и не успели бы привыкнуть друг к другу, если бы...

– Ты меня слушаешь? – спросила Ирэн.

– Конечно.

Ирэн оторвалась от стекла и села в кресло напротив меня.

– И вот риэлтор приносит ей документы на приличную однокомнатную квартиру, и тут выясняется, что собственником этой квартиры является тот самый Максим Блинов. Но дамочка знает, что у Максима никакой квартиры отродясь не было, он сирота и до армии жил в интернате.

– И еще выясняется, что помимо квартиры на сироту записан «мерседес», вилла на Канарах и яхта, – предположил я.

– Ошибаешься. На него записана только квартира, причем собственником Максим стал совсем недавно, две недели назад назад.

Мне стало интересно, хотя не настолько, чтобы с азартом ухватиться за это дело. Я откинулся на спинку кресла и взял в руки карандаш. Есть у меня дурная привычка – теревить карандаш, чтобы сосредоточить внимание. Первоисточник, обладатель информации, которую я сейчас поглощал, находился за стеклом. Логичнее было бы пригласить преждевременно посевшую дамочку ко мне в кабинет, чтобы она с запальчивостью повторила рассказ про Максима, и при этом торопливо курила, и доверительно касалась моей руки тонкими пальцами с тяжелыми перстнями, похожими на рыцарей в доспехах. Но я настолько доверял Ирэн, что зачастую вообще не вступал ни в какие контакты с клиентами. Как я уже говорил, Ирэн обладала прекрасной памятью. Кроме того, она излагала мне суть проблемы в чистом, отфильтрованном виде, отбросив ненужную шелуху, и разбавляла ее своими наблюдениями и выводами, которые не всегда были глупыми.

– Дамочка, само собой, впала в состояние шока. Она потребовала от риэлтора доказательств, что квартира, в самом деле, принадлежит Максиму. Риэлтор показал ей все документы, ксерокопию паспорта Максима и доверенность на ведение дел, связанных с продажей квартиры.

– Доверенность была написана от руки? – спросил я.

– Нет, отпечатана на принтере и нотариально заверена.

– А дата? Когда она была подписана?

– Две недели назад.

– Поехали дальше, – сказал я и нечаянно сломал карандаш. Пришлось выбросить его в корзину. – Пока не понимаю, чем мы можем быть ей полезны.

– А дальше было вот что, – продолжала Ирэн, кинув взгляд на стекло, за которым наша клиентка с интересом рассматривала малахитового кота, который стоял на чайном столике. – Дамочка, разумеется, стала требовать, чтобы ее немедленно привели к Максиму, дабы она могла воочию убедиться, что он жив и здоров. Я думаю, что она не столько захотела встретиться со своим возлюбленным, сколько убедиться, что ее не водят за нос.

– Дельное замечание, – отметил я. – Я тоже так думаю.

– И тогда риэлтор признался, что сам в глаза не видел Максима, а документы пришли в риэлторскую контору заказным письмом. В нем же была небольшая записка.

– Какая записка?

– Максим обращался в риэлторскую контору с просьбой. Он писал, что служит в каком-то закрытом секретном гарнизоне, и особенность службы не позволяет ему заниматься продажей квартиры.

– А как этот Максим намерен получить деньги от продажи?

– В письме он оставил реквизиты банка и номер счета.

– И что же дамочка от нас хочет?

– Чтобы мы помогли разыскать ее Максима.

– Ничего у нее не получится, – убежденно произнес я. – Если Максим прячется, значит, он вовсе не хочет, чтобы дамочка его нашла. От такой красавицы я тоже бы спрятался, только не в секретном гарнизоне, а в приамзонской сельве.

Мы молчали. Ирэн сказала все, что считала нужным и теперь ждала вопросов, пребывая в излюбленной позе деловой женщины. Не поза, а маскировочный халат, который скрывал от моих глаз все то, что выделяло в Ирэн женщину. Я снова потянулся к холодильнику за минералкой.

– Ты обедал? – спросила Ирэн.

Протуберанцы естества прорвали маскировочный халат. Этот вопрос задала уже не инспектор частного сыскного агентства Ирэн, а девчонка с неустроенной личной жизнью, влюбленная в меня уже не один год. Вопрос прозвучал естественно, без напряженной фальши и расчетливости, как спрашивает мать у ребенка или жена у мужа. Внешне Ирэн выглядела по-прежнему, но в ее светлой головушке царствовали уже другие мысли, о пустом холодильнике, о моем питании, и еще Бог весть о чем, и подобные перевоплощения для меня всегда были неожиданностью.

Я ответил, что обедал в шашлычной у Самвела, но Ирэн уже перелетела в другую область, ее мысли продолжали расслабляться, отдыхая от проблем незнакомой дамочки.

– А я вчера с парашютом прыгала, – сказала она. – В связке с инструктором. С высоты три тысячи метров. Половину пути в свободном падении, а потом под парашютом. Обалденные ощущения! Облака снизу надвигаются, внутри у тебя все сжимается, вся физиономия в слезах...

– Давай закругляться, – сказал я, взглянув на часы. – Скажи ей, что мы ничем ей помочь не можем.

– Напрасно, – ответила Ирэн.

Я смотрел на ее высокий чистый лоб. А что если ей напустить на него челку? Может, так ей будет лучше?

Она встала, подошла к двери и на мгновение остановилась. Я смотрел, как каблуки ее туфель продавливают ковролин, словно были вбиты в пол. Ноги у нее нормальные, пусть не переживает по этому поводу. Разве что лодыжки немного выделяются, но это, на мой взгляд, преимущество. Конечно, про Ирэн не скажешь, что она порхает, а не идет. Она именно идет, ногу ставит твердо, ровно, стук каблуков слышен за три квартала, что заставляет мужиков обо-

рачиваться. Крепкая узкая спина перетекает в упругие бедра. Под натянутым платьем угадывается спортивный рельеф. Это хорошо, что она занимается плаванием, ходит на массаж и в солярий. Здоровье для молодой женщины очень важно. Ей еще выходить замуж и рожать детей.

Ирэн, словно почувствовав мой взгляд, обернулась.

– Может, сходим куда-нибудь поужинать? Я недавно развела весьма приличное кафе – «Причал». Морская кухня, тихая музыка...

Она сделала это предложение на одном выдохе и как будто легко, только в глазах мне привиделся скрытый ужас, а в голосе – нотки безнадежья. А как иначе? Она уже наверняка пожалела о своих словах. Потому что нет ничего хуже, чем первой приглашать в кафе начальника, который заведомо откажет. Это стыдно. Это унижительно, хотя в предложении Ирэн не было ни скрытого намека, ни маломальского расчета. Ей хотелось именно того, что она мне предложила. Чуть-чуть продлить рабочий день. Посидеть напротив меня. И чтобы я так же, как минуту назад, смотрел на нее и слушал ее. Но мне этого не было нужно.

– Я бы с радостью, – ответил я, – но у меня сегодня полеты.

Ирэн вряд ли могла знать, что сегодня я уже отлетал. Она кивнула, губы ее надломились.

– Что это я? – с хрипотцой произнесла она, рассеянно улыбнулась и коснулась пальцами лба. – У меня же сегодня массаж. Тайский массаж, в четыре руки... Пока, зайчик!

Она пошевелила в воздухе пальцами и вышла. Я слышал, как хлопнула входная дверь. К себе в комнату она так и не зашла. Проводить крашенную дамочку, выходить, должен я.

Я кинул взгляд на большое зеркало, висящее у двери. За столом восседал плечистый мужлан в белой рубашке; грудные мышцы выпирали так, что пуговицы звенели; на толстой шее сорок третьего размера сверкала крупная цепочка с крестом; бицепсы перекачивались в руках, словно сытые удавы. Да уж, «зайчик»! И что за глупую кличку она мне придумала!

Пустая бутылка от минералки полетела в мусорную корзину, да угодила в керамическую вазу с сухим букетом (Ирэн на двадцать третье февраля подарила). Ваза грохнулась на пол и разлетелась на мелкие куски. Сухой колосок пшеницы рассыпался по ковровину мелкими золотистыми зернами. Я вполголоса выругался, встал из-за стола и вышел из кабинета.

Не знаю, на кого я больше обозлился – на себя или на Ирэн.

Глава вторая. Бардачок

– К сожалению, ничем помочь мы вам не можем, – сказал я дамочке, которая сидела за столом и рисовала на полях проекта договора, с которым работала Ирэн, каких-то чертиков.

Она не ожидала моего появления, не ожидала, что я в курсе ее проблем, и немного ступевалась. Я стоял на пороге, придерживая дверь ногой, что красноречиво говорило о моем желании выпроводить посетительницу восвояси.

– А вы... а вы, извиняюсь, кто?

Голос у нее был шепелявый, и смотрела она на меня исподлобья, неестественно низко склонив над столом плечи, отчего моему взору открывался глубокий вырез на ее розовой блузке и всё, что было под ним. Должно быть, дамочка принимала эту позу по давно заведенной привычке и помимо своей воли.

Я представился. Растерянность в глазах дамочки сменилась любопытством. Она смотрела на меня оценивающе, взглядом хищным и опытным. Я мысленно посочувствовал Максиму Блинову.

– Я вам хорошо заплачу, – произнесла она шепотом и вкрадчиво, словно предлагала мне что-то аморальное, и зачем-то щелкнула замком сумочки, хотя, если верить Ирэн, денег в ней не было.

– Мы не занимаемся армейскими проблемами, – сказал я.

– Это не армейская проблема, – тотчас возразила дамочка и еще ниже склонила плечи; в общем, она легла грудью на стол. – Это нравственная проблема. Я хочу найти этого негодяйского мальчишку, который от меня прячется, и спросить его: как ты мог спокойно жить все эти годы, когда я рыдала ночами напролет, когда честно ждала, когда обивала пороги военкоматов, чтобы найти тебя!

Она раскрыла сумочку, достала оттуда платок и прижала его к носу. Он напряжения на ее лице выступили красные пятна. Кажется, я погорячился, когда дал ей столько же лет, сколько было Ирэн. Короткая стрижка, вызывающий цвет волос, многочисленные побрякушки на шее – все это было лишь игрой в подростка. Дамочка прожила никак не меньше тридцати, уже прилично заветрилась, и я снова с пониманием подумал об отчаянном поступке Максима.

– Идемте, я вас провожу, – сказал я. – Мы закрываемся.

– Очень жаль, – проворчала дамочка, швырнув в сумочку платок и выкатившуюся оттуда помаду, а затем небрежно затолкала туда бумаги и фотографии, которые показывала Ирэн. – Признаться, я не думала, что в этой конторе работают такие бесчувственные люди.

Она закинула сумочку на плечо и, проходя мимо меня, не преминула задеть меня грудью. Я пошел за ней по коридору, глядя себе под ноги.

– Хотя впечатление вы оставляете очень хорошее, – говорила она не оборачиваясь. – Таким как вы горы свернуть – раз плюнуть. Желание помочь своему ближнему должно быть заложено в вас на уровне инстинкта...

Она в выжидающей позе остановилась перед входной дверью. Я оттянул задвижку и толкнул дверь.

– Узнайте почтовый адрес воинской части, где служит Максим, и напишите ему, – посоветовал я на прощанье, и когда она перешагнула порог, захлопнул дверь.

Я вернулся в кабинет, сел в кресло, и тут почувствовал, что на меня накатило какое-то смутное чувство, точнее, некий дискомфорт. Я оглянулся, пробежал взглядом по привычным вещам: факсимильному аппарату, холодильнику, кондиционеру, платяному шкафу, полированному столу, заваленному бумагами... Глупыми бумагами, которые день ото дня заставляли меня кому-то звонить, куда-то ездить, что-то подсчитывать на калькуляторе. Каждый день – одно и то же. А зачем это все? Зачем я вообще занимаюсь частным сыском? Чтобы восстано-

вить справедливость. Я хочу удовлетворить свое тщеславие и сделать мир совершеннее, чем он есть на самом деле. Мессия!

Я горько усмехнулся, подошел к окну и поднял жалюзи. Через верхнюю часть окна можно было увидеть ближний край тротуара и ноги прохожих. Наверное, таким видится мир жукам и муравьям. Они ползают рядом с моим окном и даже не догадываются, какая мощная амбициозная энергия притаилась в полуподвале, и какие колоссальные возможности здесь сконцентрированы – горы свернуть можно! Мне бы кабинет в грандиозном небоскребе на последнем этаже, да с окном во всю стену, чтобы видеть оттуда лишь млеющую в дымке землю, захламленную домами и машинами, и не замечать несчастных глупых женщин, которых бросают поумневшие парни... Какое мне дело до чьего-то мелочного горя, ведь мое предназначение – скандальные преступления, свирепые маньяки и чудовищные сговоры, от которых кровь стынет в жилах.

Шторка жалюзи с шелестом скользнула вниз. Я погасил свет и вышел в соседнюю комнату. Сел за стол Ирэн, сверкающий полировкой, полистал странички перекидного календаря, полюбовался фотографией жирного персидского кота. Погасил свет и вышел в коридор. Прошелся от торца до входной двери и обратно... Вот бродит мужик по бетонной коробке, наполовину врытой в землю, и не знает, зачем он здесь бродит... Нет, гнать надо эти мысли! Всё у меня нормально. Я на своем месте. Я разгружаю милицию, которая уже задыхается от уголовных дел. Я хожу в спортзал, где качаю мышцы. Я учусь пилотировать самолет, чтобы наяву испытывать то, что иногда испытываю во сне. И вообще, я просто существую для Ирэн, которая в меня влюблена... Ей повезло больше, чем мне. У нее есть, в кого быть влюбленным.

Вечер был влажным и душным, как пробежавший марафонскую дистанцию атлет. Асфальт аккумулировал в себе энергию солнца, и от него тянуло жаром, как от мартеновской печи. Остывшее, краснолицее ярило дрожало над горизонтом, словно готово было вот-вот сорваться с невидимой опоры и ухнуть в море. Посреди дороги валялись пыльные плоские собаки, прогревая свои тощие ребра. Машины аккуратно объезжали их. «Ленд-крузер» освободил мое любимое место под акацией, оставив в память о себе маслянистое пятно у бордюра. Я сел за руль своего «жигуля», и только тогда увидел, что рядом с палисадником, на ящике из-под овощей, сидит наша посетительница и, уставившись безжизненными глазами на заходящее солнце, устало курит. Ее бледные брови обвисли, словно перья у мокрой курицы, с губ стерлась помада, в безвольных пальцах дрожала сигарета, и пепел с нее срывался серыми комками прямо на юбку. И все в позе и движениях дамочки было увядающим, затухающим, словно она была слеплена из снега, и плоть ее на жарком закате становилась все более рыхлой и мягкой, и казалось, что сейчас оторвется рука, скатится по груди на колени голова, просядут плечи, и налипнет на асфальт комок мокрой гофрированной юбки и блузки, а рядом с ящиком так и будет стоять дешевая сумочка из кожзаменителя.

Я посигналил и высунул голову из окна.

– Вам куда?

Дамочка лениво подняла голову и некоторое время смотрела на меня, пытаясь вспомнить, где она меня видела. Потом по ее губам пробежал жалкая улыбка.

– Домой, – не совсем уверенно ответила она скрипучим старушечьим голосом. – Больше некуда.

У меня дрогнуло сердце от жалости. Когда ей сообщили, что Максим пропал без вести, эта некрасивая, с нелепой прической женщина пережила сильный удар. Она поставила себя вровень с матерями, потерявшими сыновей, вровень с вдовами. Она переживала, страдала, проклинала судьбу, считая ее виновницей всех своих бед, и не теряла надежды найти нового парня. Но известие, что Максим попросту сбежал от нее, ее убило. Она в безрассудном отчаянии кинулась к нам, но услышала от меня подтверждение приговора: ситуация неразрешима, молодой человек не просто ушел, он сбежал да еще и спрятался, словно от опасного врага, от

омерзительного чудовища, от прилипчивой кикиморы, которая вызывает тошноту... И осталась она одна, со стареющим некрасивым лицом, с дешевой оригинальностью и не востребованной жадой любить.

– Садитесь, – сказал я.

Она уронила под ноги окурок, поднялась с ящика, волоча сумочку за собой, и растерянно опустилась на сидение рядом со мной. Ее проваленный взгляд выражал полную отрешенность, и вся она находилась внутри себя, в полной пустоте, и слепо блуждала в вакууме, вряд ли отчетливо понимая, зачем она села ко мне в машину, и куда я собираюсь ее везти. Если бы я ей сказал, что нам надо подняться по пожарной лестнице на крышу, она покорно последовала бы за мной, ни о чем не спрашивая, и ни о чем не беспокоясь.

Я вырулил на Садовую. Где бы дамочка ни жила, с этой центральной улицы можно было попасть в любую часть города. Мы медленно катились вдоль тротуара. Она снова закурила, не спросив разрешения, глядя вперед себя невидящими глазами. Я молчал. Ей необходимо было мое присутствие, это тихая езда, и ее участие в процессе движения, что создавало иллюзия осмысленных и целенаправленных действий. Но это был предел моих возможностей помочь ей. И даже скорее ради себя, ради укрощения своей совести я проводил эти минуты с дамочкой.

В поясном чехле задрожал мобильник, щекоча под ребром. Я вынул его, прижал к уху.

– Слушаю вас!

В ответ – эфирные помехи, шум, скрежет и едва слышное дыхание. Наверное, это Ирэн звонила из массажного салона, расслабляясь под четыремья тайскими руками. Хочет выяснить, где я сейчас – в офисе или в машине. Я надавил на кнопку сигнала, чтобы она услышала и успокоилась, отключил трубку и небрежно кинул ее на панель.

– Где вы живете?

Она вздрогнула от моего вопроса, покрутила головой, пытаясь сообразить, где находится, и неуверенно ответила:

– На Волкова... Вы не беспокойтесь, я сама...

Я не остановился, не высадил ее, и она снова успокоилась и ушла в себя, доверившись мне. Чтобы выехать на Волкова, надо было развернуться в обратную сторону. Я принял левее, кинул взгляд в зеркало заднего вида и увидел «ленд-крузер» с темными окнами. Тяжеловесный джип медленно следовал за мной на некотором удалении. Возможно, это была та же машина, которую я видел у входа в наше агентство, но вероятнее всего, что другая. В сезон на Побережье джипов и других иномарок – как собак беспризорных.

Я вывернул руль круто влево, развернулся и занял крайний ряд. Джип медленно проехал мимо и затерялся среди машин.

– Ваша мама работает? – спросил я, чтобы вывести дамочку из состояния прострации и втянуть в разговор.

– Ммм... да, – не совсем уверенно ответила она. – Только работа у нее надомная... Она делает канцелярские скрепки. Раньше, когда была моложе, за день могла накрутить пачек десять-двенадцать. А сейчас только две... Она слепая, – нехотя добавила дамочка, словно о каком-то своем физическом недостатке. – Как меня родила, так ослепла. Ее предупреждали, советовали прервать беременность, но она отказалась.

Я свернул на Халтурина. Который раз я замечал в себе одну странную особенность. Стоит какому-нибудь малоприятному человеку рассказать мне о своей маме, как мое мнение об этом человеке меняется с минуса на плюс с невообразимой скоростью. Будто я прихожу к выводу, что передо мной не марсианин с генетической мизантропией, не робот, а обыкновенный, нормальный человек, который адекватен к добру и злу, красоте и уродству, и у которого голос размякает, подобно пластилину в руках, когда он говорит о своей маме.

Моя нога, помимо моей воли, давила на педаль газа все слабее, хотя машина и без того едва ползла. Не знаю почему, но мне хотелось, чтобы дорога к дому была длинной, и мы ехали

к нему до позднего вечера, и моя пассажирка, смирившись со своим положением брошенной женщины, стала самой собой – слабой и беззащитной, с израненной душой, с опустошенными глазами, и тихо рассказывала бы мне историю своей непутевой жизни, очищаясь и успокаиваясь в этой исповеди. Но я уже свернул на Волкова, и дамочка попросила заехать во двор, где тяжелые кроны деревьев закрывали стены домов, а подъезды прятались в густых пыльных кустах.

Я остановился у мрачной пятиэтажки с мелкими немытыми окнами, с заваленными хламом балконами, с торчащими из форточек сумками и авоськами, с висящими на бельевых веревках желтыми простынями и пододеяльниками, с расписанными похабщиной стенами, отчего дом напоминал вставшую вертикально мусорную свалку. Дамочка взялась за ручку двери и посмотрела на меня робко-вопрошающе, словно спрашивала: вы не возражаете, если я выйду?

– Вот что, – сказал я. – Дайте мне адрес риэлторской конторы, с которой вы связались, и координаты военкомата, с которого призвался Максим. Я постараюсь найти вашего парня и узнать, что с ним случилось. Может, это вообще не тот Максим.

– Тот, – прошептала девица, опустив глаза. – Риэлтор показывал мне его паспорт.

– Тогда я попрошу Максима, чтобы он вам написал или позвонил.

Она переживала и нервно теребила защелку на сумочке.

– Вы думаете, что... что... А надо ли его об этом просить?

– Во всяком случае, вас не будут мучить сомнения и вопросы.

– А они меня, кажется, уже не мучат...

Вот еще! Я уже настроился на работу, а она вдруг начала давать задний ход. Нет, так дело не пойдет.

– Как это не мучат? Что значит не мучат? – сдержанно вспыхнул я. – Как быстро вы опускаете руки! Может, у него случились проблемы со здоровьем, и он решил, что не имеет права обременять вас своими проблемами. Может, какой-нибудь подлец соврал ему, что вы вышли замуж или завели себе любовника. Может... Да что там говорить! Я готов назвать вам сотни причин, по которым Максим избегает встречи с вами.

Какими глазами она посмотрела на меня! Я давал ей надежду, хотя это было жестоко и могло обернуться для нее новым потрясением.

– Вы, в самом деле, так думаете?

– Конечно! – ответил я и, улыбнувшись, потрепал ее по щеке. Я убеждал в этом уже не столько ее, сколько себя.

– Но у меня сейчас нет денег, – пробормотала она, глядя на меня широко распахнутыми глазами. – Может быть, через месяц... в крайнем случае, через два...

– Не надо денег, – ответил я и сделал жест рукой, словно протер ладонью запотевшее стекло. – Я помогу вам бесплатно.

Мне трудно передать это буйство энергии в ее глазах! Откуда она взялась там, где давно было пусто и промыто слезами? Похоже, что вместо меня дамочка видела своего Максима, и уже представляла, как крепко обнимает его за шею, как хватает его за волосы и, прижимаясь к его груди, навзрыд кричит: «И как же ты мог поверить, что я предала тебя и вышла замуж за другого?!»

– Бесплатно? – машинально повторила она, пытаясь понять, в чем тут подвох, и чем она рискует, приняв мое неожиданное предложение. – Риэлторская контора называется «Колосс», имя риэлтора – Женя. А вот... вот адреса военкомата у меня с собой нет. Он дома. В записной книжке.

– Так идите домой, я подожду вас здесь, – заверил я, видя, что она колеблется.

– Подождете?

Она все еще никак не могла прийти в себя. Наверное, мой взгляд действовал на нее гипнотически, и чтобы поторопить дамочку, я отвернулся, опустил руки на руль и оперся о них подбородком. Вот только тогда она засуетилась, торопливо выпорхнула из машины и, едва прикрыв за собой дверь, вприпрыжку побежала к темному проему подъезда. Прежде чем скрыться в нем, она обернулась, сделала нелепый жест рукой, словно махнула мне из окна уходящего поезда, и сказала:

– Я быстро... Сорок седьмая квартира!

Я призадумался о тех проблемах, которые добровольно на себя взвалил. Ирэн не должна знать о том, что я взялся за это дело, иначе у нее появится прекрасный повод подтрунить надо мной. Скажет, что у меня семь пятниц на неделе, и я сам не знаю, чего хочу, или, что еще хуже, заподозрит в проявлении нежных чувств по отношению к дамочке. Посему надо будет предупредить дамочку, чтобы в агентство больше не заходила, и звонила мне только на домашний телефон.

Тут я отчетливо услышал приглушенный звук выстрела. Вскинул голову, посмотрел на подъезд, и тотчас опять раздался короткий хлопок, эхо которого, затухая, прошелестело по всем этажам, словно кто-то из всех сил шлепнул резиновой мухобойкой по ступеньке. Я на мгновение оцепенел. Это было не то место, где могли бы звучать выстрелы, и я не верил своим ушам. Но не звук петарды я услышал, черт подери! Не хлопок двери, которую боднул сквозняк! Это был звук пистолетного выстрела, и тот, кто хоть раз в жизни его слышал, ни с чем другим не спутает.

Боясь предположить худшее, я выскочил из машины и забежал в сырой, пахнущий плесенью подъезд. Перемахнув через несколько ступеней сразу, я остановился на площадке первого этажа. Прислушиваясь, замер и дышать перестал.

– Эй! – крикнул я.

Какой глупый звук придумали люди: «Эй!» Что он означает? Чего я хотел добиться, открывая рот? Что откуда-то сверху немедленно получу исчерпывающий комментарий по поводу происхождения выстрела?

Почему я медлил? Я должен был помчаться наверх, до пятого этажа, чтобы убедиться – с моей клиенткой ничего не случилось, лестничные пролеты пусты или, в крайнем случае, в клубах едкого дыма я увижу притихших пацанов, торопливо затапывающих обгоревшую петарду. Ведь я ошибся. Я обязан был ошибиться – это наверняка был звук петарды!..

Но я с оцепенением смотрел на серую ленту перил. Сверху, с глухим стуком, на них падали вишневые, почти черные маслянистые капли. Они разбивались, превращаясь в мелкие брызги, собирались в дрожащий комок и ленивой струей медленно сползали по перилам на пол. Черт, только не это! Я стал осторожно подниматься выше, не спуская глаз с площадки третьего этажа, откуда капала кровь. Это было приближение к смерти; я чувствовал, как напрягается мое тело, ожидая встречи с ней – неясной, многоликой, неожиданной, но одинаково страшной. У меня не было с собой ничего, чем я мог бы себя защитить, и кулаки непроизвольно сжались, и я невольно повернулся к площадке боком, подставляя плечо невидимой угрозе словно щит.

Три или четыре ступени – и я увидел ноги моей клиентки. Лежащая на заплеванном полу женщина – это всегда противоестественное, ужасное зрелище. Но сейчас мне было куда труднее его выдержать, ибо понимал, что дамочка не пьяна, она не споткнулась, она не сумасшедшая и не играет со мной в прятки. Ее свалила на пол пуля из пистолета, вонзилась в ее тело, превращая в крошку кости, разрывая своим тупым рыльцем ткани мышц, обрывая вены и артерии, словно ураганный ветер провода... И эта несчастная молодая женщина, которая всего пару минут назад получила сладостную надежду, и мысли которой были поглощены этой светлой надеждой, сейчас лежала неподвижно, тихо, и кровь ее, словно красный полоз, уже успела добраться до первого этажа.

Но это все чувства. Мне хватило мгновения, чтобы приблизиться к ней, опуститься на колено и прикоснуться к ее тонкой шее, на которой спутались пеньковые веревки со странными деревянными фигурками. Я застыл. Мое сердце колотилось с такой силой, что мешало мне. Если бы я мог, то остановил бы его на минуту... Под ладонью тепло и покойно... Я сдвинул пальцы чуть сильнее. Сонная артерия безмолвствовала. Мне захотелось ударить женщину по щеке, крикнуть на нее, обозвать ее каким-нибудь скверным словом, но вернуть ее к жизни... Мертва. Какая нелепость! Кому мешала это несчастная дамочка с внешностью подростка?

Я выпрямился, сделал шаг назад, глядя на лежащую в луже крови дамочку как на глупый, идиотский, ублюдочный спектакль. На ее лице застыло странное выражение ожидания какого-то значимого события. С такими лицами дети смотрят на театральный занавес, когда уже дали третий звонок и пригасили свет... Милицию и «скорую»! Срочно, немедленно! Милицию и «скорую»! Хлопнул себя по поясу, где привык носить мобильный телефон... Ах, шляпа! Оставил трубку в машине!

Я принялся колотить во все двери. Хлипкие, выкрашенные половой краской, обтянутые старой протертой клеенкой, они дрожали от моих ударов, дребезжали дверными ручками и петлями, но никто не открывал. Я стал бить по ним сильнее. Из-за средней двери, наконец, раздался голос немолодой женщины:

– Можете не стараться, я вам все равно не открою.

– Позвоните в милицию! – крикнул я, глядя на подслеповатый дверной глазок, словно в глаз хозяйки квартиры.

– Не беспокойтесь, вызвала, – ответила она сдержанно.

– Вы видели, кто стрелял? – крикнул я.

– То, что я видела, я расскажу не вам, а милиции, – после недолгой паузы ответила женщина.

Стоять рядом с распростертой на полу женщиной было невыносимо. Я побежал на пятый этаж, насколько возможно внимательно осматривая ступени. Все площадки были пусты, и ничего особенного мне на глаза не попало. На крышке люка, через который можно было забраться на крышу, висел тяжелый амбарный замок.

Я сбегал вниз, осмотрел темный подъезд, загроможденный пустыми картонными коробками, и вышел на улицу. Почему, когда идешь к любовнице, около подъезда обязательно будут сидеть старушки, которые проводят тебя внимательными и понимающими взглядами. А сейчас, когда так нужны свидетели, здесь не оказалось хотя бы самой слепой, самой тугоухой и невменяемой пенсионерки?

Тут из-за кустов выскочили две милицейские машины. Скрипнули тормоза, захлопали дверцы. Во мне вспыхнуло неосмысленное желание спрятаться или дать деру. Быстрыми шагами ко мне приближались милиционеры в бронежилетах, касках и с автоматами. В такой ситуации лучше заговорить первым, не дожидаясь, когда эти бравые ребята повалят меня на асфальт и, ударяя прикладами по почкам, станут задавать вопросы. Я выставил руки перед грудью, что, на мой взгляд, должно было исключить какую-либо двусмысленность моего поведения, и сказал:

– Убили женщину. На третьем этаже.

– Это вы позвонили? – спросил милиционер, идущий первым. Его лица не было видно. Из-под каски выпирал лишь крупный нос.

Я отрицательно покачал головой.

– Идите за нами! – через плечо кинул мне милиционер и бегом устремился по лестнице.

Загрохотали тяжелые ботинки. Запахло потом и оружейной смазкой. Кто-то хлопнул меня по спине, чтобы поторопился. Я тоже побежал. На площадке между этажами милиционеры остановились, прижались к стене, пропуская вперед по живому коридору врача и мужчину в джинсах и серой рубашке. Я видел, как врач склонился над телом дамочки, опустил

ладонь на ее шею, затем коснулся двумя пальцами ее глаза – словно пробовал на спелость виноградину.

– Она мертва, – сказал он, поднимаясь на ноги.

Мужчина в джинсах с взлохмаченной головой и подпухшим усталым лицом – наверное, это был следователь – попросил милиционеров сделать три шага назад и принялся тихо говорить по мобильнику. Тут приоткрылась дверь, в которую я бил кулаками, и из проема медленно высунулась белая, как облачко, голова старушки. Некоторое время она настороженно двигала своими маленькими блестящими глазками, рассматривая толпу и готовая при первой же опасности шмыгнуть назад и спрятаться за дверью. Убедившись, что никто не пытается вломиться в ее квартиру, старушка, подобно мыши, осмелела и сделала маленький шагок на порог. Тут она увидела меня, и мне показалось, что в ее глазах сверкнул какой-то злорадный огонек.

– Это я вам позвонила, – сказала она мужчине в джинсах, сразу угадав в нем начальника. – Сначала услышала пальбу, а потом стала в глазок наблюдать... – Старушка снова зыркнула на меня. – Очень правильно, что вы этого гражданина поймали.

Я нахмурился и с удивлением взглянул на старушку. Она, не сводя с меня своих мышиных глаз, на всякий случай сделала шагок назад.

– А почему вы так думаете? – спросил следователь, пытливо посмотрел на меня, и стал набирать номер на мобильнике.

– Потому что я видела, как он эту гражданочку душил.

Мне показалось, что стоящие рядом со мной милиционеры напряглись, готовясь заломить мне руки и отбить печенку, если я вдруг попытаюсь сбежать.

– Я ее не душил, – спокойно ответил я. – Я хотел проверить пульс...

– Помолчите, – прервал меня следователь и повернулся к старушке. – Так что вы видели?

– Он подошел к ней, опустил на колено и стал душить ее за горло. Наверное, она еще была жива, а он уже стрелять не хотел, чтобы шуму лишнего не делать, – с заметным удовольствием доложила старушка, продолжая сверкать глазенками в мою сторону.

Я почувствовал, как невольно деформировалось мое лицо. Наверное, такое же выражение будет у слона, если он увидит свою слониху в объятиях зайца.

– Это неправда, – сказал я следователю, но он снова не дал мне договорить.

– Я поговорю с вами чуть позже, – отведя глаза, пробормотал он и, склонившись, поднял с пола гильзу. – Отведите его.

Последние слова его относились к милиционерам. Двое из них, не без труда сдерживая себя в пределах служебной этики, подтолкнули меня в спину.

– Он потом наверх побежал, – разносился по этажам торжествующий голос старушки, – хотел через крышу убежать, да там у нас замок крепкий висит. Вот и пришлось ему назад возвращаться...

Меня вывели из подъезда. Вокруг милицеских машин стали собираться зеваки. Народ смотрел на меня с жадным интересом, наверняка принимая меня за преступника. Мне было стыдно в такой необычной роли. Я привык играть сыщика. Плохо, что не приехал Федька Новоруков, следователь из уголовного розыска. Когда-то мы с ним служили в Афгане, в прославленной двести первой дивизии. Я был старшиной разведроты, а он командиром зенитной батареи. Два года вместе утюжили животами пыльную афганскую землю, а потом встретились здесь, на Побережье. Но в мирной жизни Федька крепко запил, ему не хватало острых ощущений, в особенности денег. В звании капитана он уволился из армии и перевелся в милицию. Экстерном закончил юрфак и дорос до старшего следователя РОВД. Последний раз мы с ним виделись год назад в его служебном кабинете. Помнится, он выглядел неважно. Лицо его было бледным, отечным, словно шмат пластилина, который полежал на солнце. И все жаловался мне на нехватку денег, на бытовую неустроенность, загруженность работой и некачественную водку. Я пытался его успокоить, убеждал: ты молодой, здоровый, всё бандитское отребье трепещет

только при одном твоём имени! Старший следователь! Предел моих мечтаний, которым никогда не суждено сбыться... Но он на эти слова лишь тяжело вздыхал и, почесывая бритый затылок, открывал шкаф и выставлял на засиженный мухами стол бутылку и засохшую закуску. С той поры мы лишь перезванивались по пустяковым поводам, но – обязательно! – поздравляли друг друга пятнадцатого февраля, в день вывода войск из Афгана. Я знал, что Федьку повысили в звании и перевели в какой-то другой отдел, но он по-прежнему занимался тяжким криминалом.

Если бы сюда приехал Федька Новоруков, то многие глупые вопросы и недоразумения были бы сняты.

– А ну, дайте воздуху! Воздуху дайте! – прикрикнул милиционер на зевак, заставляя их отойти подальше от машин.

Меня подвели к «уазику» и поставили лицом к капоту. Сколько негодяев целовали его горячую поверхность, сколько жуликов кланялись ему, сколько подлецов разбило об него свои носы! Неужели настала моя очередь?

– У вас есть при себе какие-нибудь документы? – вполне миролюбиво спросил один из милиционеров, и убрал короткий «калаш» за спину.

– Да, конечно, – ответил я и кивнул на свой «жигуль». – Они в машине. Можно взять?

Милиционер развел руками, мол, конечно, чего спрашиваешь. Я подумал, что слишком драматизирую ситуацию. Следователь вряд ли воспримет всерьез бредни старушки, и сейчас у меня проверят документы, да отпустят восвояси.

Я повернулся, чтобы пойти к своему «жигулю», как мое сердце радостно встрепенулось в груди. Мне навстречу шел Федька Новоруков. Малорослый и худой, как школьник, с короткой стрижкой, в спортивном костюме, который скрывал его угловатую фигуру, он двигался на меня быстро и целеустремленно. Его комковатое, идеально выбритое и лоснящееся лицо ничего не выражало. Темные жесткие глаза смотрели на меня ровно и холодно. В первое мгновение мне показалось, что он меня не узнает и потому не улыбается, и не раскрывает объятий. Но тотчас до меня дошло, что место преступления менее всего подходит для того, чтобы проявлять и выказывать приятельские чувства.

Поравнявшись со мной, Федька слегка нахмурил брови и, едва разомкнув губы, процедил:

– Что ты здесь делаешь?

Я только раскрыл рот, чтобы начать рассказ о дамочке, подъезде и двух выстрелах, как Федька коротко перебил меня:

– Позвони мне через пару часов на мобильный...

И тотчас отошел. Я оторопело смотрел на спину старого сослуживца. А что я хотел? Дружба дружбой, а служба службой... Новоруков пожал руки милиционерам, о чем-то спросил их, и тем же наступательным шагом пошел дальше, вдоль дома, пристально глядя на живую изгородь из кустов. Через минуту он скрылся из виду, а я, как был, остался со своими проблемами.

Тем не менее, я почувствовал себя намного увереннее. Федька, по-видимому, уже в курсе, что меня задержали, и уже думает обо мне, решает, как помочь. Я подошел к «жигулю». Милиционер ненавязчиво последовал за мной. Паспорт вместе с правами и записной книжкой я держал в маленькой кожаной сумочке, которая лежала в бардачке. Не стоило, конечно, оставлять документы в машине, но когда я услышал выстрелы, то об этом не подумал, забыв и ключи вынуть, и закрыть двери на замок. Склонившись над сидением, я открыл бардачок, выудил оттуда сумочку и... и тотчас меня прошибло холодным потом. Под сумочкой лежал пистолет.

Глава третья. Требуется гениальный адвокат

Я немедленно захлопнул бардачок. Что за чертовщина?! Откуда здесь взялся «ствол»? И заметил ли его милиционер? Медленно распрямив спину, я повернулся лицом к милиционеру... Нет, он по-прежнему невозмутим и, кажется, пока не собирается заставлять меня целовать капот. Но ситуация гиблая. Можно сказать, дерьмовая ситуация. Кто-то ловко меня подставил.

Я машинально протянул сумочку милиционеру. Он раскрыл ее, и оттуда едва не выпало несколько крупных купюр.

– А вот деньги давать мне не советую, – процедил он и посмотрел на меня глазами, похожими на линзы оптического прицела.

Я схватил купюры, смял их и затолкал в карман. Проклятые деньги! Это была сдача, которую дали мне на бензоколонке, и я машинально сунул ее в сумочку. Всегда клал деньги в кошелек, а тут вдруг бес попутал. Судьба словно надсмехалась надо мной! Милиционер достал паспорт, открыл его, небрежно полистал. Затем также бегло просмотрел права. Записную книжку он не стал открывать, но, тем не менее, не вернул ее мне, а вместе с правами и паспортом затолкал себе в карман.

– Багажник откройте, – попросил он.

Хоть бы он не стал проверять салон, мысленно молил я. Если он найдет пистолет, а потом еще выяснится, что дамочка была убита именно из него, тогда мне останется уповать лишь на гениального адвоката.

Я открыл багажник. Милиционер потрогал рукой ящик с инструментами, пощупал сумку с летным комбинезоном.

– Наркотики есть? – спросил он, вытаскивая из чехла насос.

– Нет.

– Оружие? – Он выпрямился и пристально посмотрел мне в глаза. Я молча покрутил головой.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул милиционер.

Неужели пронесло? Стараясь не торопиться и не выказывать своего беспокойства, я захлопнул багажник. Милиционер, кажется, потерял ко мне интерес. Он отвернулся от меня, глядя на две патрульные машины, которые подружили к подъезду. Из них вышли несколько мужчин в штатском и одна дама с пышной грудью. У всех были сосредоточенные лица и целеустремленные движения. Они прошли мимо строя зевак и скрылись в подъезде. Я крутил головой, глядя по сторонам, надеясь снова увидеть Федьку, но фронтальной друг исчез, как в воду канул. Мой милиционер закурил и стал болтать со своим коллегой, изредка кидая на меня взгляды. Я вздохнул с облегчением. Промурыжат меня здесь еще полчаса, запишут домашний адрес, чтобы, если понадобится, вызвать к следователю в качестве свидетеля, и отпустят восвояси.

Я отошел в сторону, чтобы не мозолить следственной бригаде глаза, и прислонился к стволу березы. Милиционер, в кармане которого лежали мои документы, накурился вдоволь, поплевал на окурочек и кинул его под ноги. Затем похлопал коллегу по плечу, что-то сказал ему смешное, от чего коллега рассмеялся, и вдруг повернулся и пошел ко мне.

– Так, – сказал он с той интонацией, когда хотят быстро разделаться с нудной и неприятной рутинной. – Я еще не проверил салон и бардачок. Давай, шустренько!

У меня все внутри похолодело. Сейчас бригада получит существенную улику. Зря только следы и эксперты ползали по грязной лестнице, ощупывая и обнюхивая ее. Что они там еще нашли, кроме двух пустых гильз? Самое интересное лежит в бардачке «жигуля»! Оружие! «Макаров»! Еще тепленький!

Я очень реалистично представил, как на моих руках защелкиваются наручники и как милиционер, придерживая мою голову, заталкивает меня в вонючий зарешеченный кузов «уазика». От такой перспективы мне стало грустно. Я сделал несколько шагов к машине и остановился.

– Мне надо позвонить следователю Новорукову, – сказал я.

Но милиционер, то ли не расслышав Федькину фамилию, то ли вообще не зная такого, настойчиво подтолкнул меня в спину.

– Сначала мы все проверим, а потом будешь звонить хоть следователю, хоть адвокату, хоть священнику.

Эх, тонул я в морской пучине, и не было рядом ни спасательного круга, ни бревна, ни соломинки. Что ж мне прикажете делать? Открыть бардачок и, хлопая глазами, начать убеждать, что вижу этот пистолет первый раз в жизни? Да, это правда. Но как глупо и беспомощно!

В голову не приходило никакой спасительной идеи. Как назло, милиционер не позволял мне воспользоваться телефоном. Но даже если я как-то сумею позвонить Новорукову, что я ему скажу? Федька, братан, у меня в бардачке лежит «макаров», из которого только что прихлопнули женщину, и я не знаю, как от него избавиться? Чушь.

Я приблизился к машине, глядя на проклятый бардачок, словно на бомбу, которая должна взорваться сразу, как только я открою крышку. И поделом тебе, Кирюша! Нельзя оставлять машину незапертой. А то в следующий раз тебе не только пистолет подкинут, но и трупами салон набьют... Я взялся за ручку водительской двери. Вообще-то, бардачок удобнее было открывать со стороны противоположной двери, но милиционер на эту мою странность, кажется, не обратил внимания. Я открыл дверь. Сел за руль... Милиционер оставался спокоен. А я? Если сейчас открою бардачок и покажу пистолет, у следователя будут все основания засадить меня в сизо. Не знаю точно, на сколько суток – суть не в этом. Суть в том, что выбраться оттуда мне будет очень трудно, потому что поиском истины будут заниматься незнакомые мне люди, не испытывающие ко мне никаких добрых чувств, причем, сидящие на государственных окладах.

Моя рука легла на крышку бардачка... Пока я не открыл ее, я чист, я даже официально не задержан, потому что мне пока никто не предъявил никаких претензий.

– Ну? В чем проблема? – нетерпеливо произнес милиционер.

А в том, подумал я, что баран, идущий на заклание, вдруг начал бодаться...

Ключ зажигания в замке, повернуть его – доля секунды. Стартер сделал всего один или два оборота, и мотор заработал. Рычаг передачи уже стоял на первой скорости, я всегда оставляю его в этом положении, когда выхожу из машины. Осталось лишь вдавить в пол педаль газа и сбросить сцепление. Машина рванула с такой резвостью, словно свинья бросилась наутек от мясника. Милиционер что-то крикнул и отскочил назад, спасаясь от распахнутой двери, которая железным парусом пронеслась рядом с ним. Оглашая ревом двор, мой «жигуль» пронесся мимо подъездов пятиэтажки, затем я круто, с визгом, свернул на Халтурина и болидом помчался вперед. Нагло проскочив перекресток на красный, я свернул в первый попавшийся двор, сбавил скорость и тихо покатил между домов и сараев. Наконец, я нашел подходящее место и остановился в кустах рядом с мусорными баками.

Меня со всех сторон окружала буйная зелень, какие-то старые заборы, заброшенные дома и трансформаторные будки. Я заглушил мотор и некоторое время сидел неподвижно, пытаюсь успокоить себя и привести мысли в порядок, чтобы ответить на самый главный вопрос, от которого, возможно, зависела моя дальнейшая судьба: что делать с «макаровым». Казалось бы, нет ничего разумнее, чем немедленно выбросить его в мусорный бак и вернуться к месту происхождения, где принести свои извинения милиции, сославшись на слабую нервную систему.

Но если взглянуть с другой стороны, то «макаров» – это самая серьезная улика в убийстве. На пистолете выбит его номер, его ствол оставляет свой, неповторимый почерк на пулях

и гильзах. Если я выброшу «макаров» в мусор, не похороню ли я тем самым единственную возможность найти и изобличить преступника?

Но моя ли это головная боль – искать преступника? Пусть этим занимается милиция. В таком случае я должен хранить «макаров» как самый главный вещдок.

Так я размышлял, споря с самим собой, и с тревогой поглядывал в зеркало заднего вида. Покрытая трещинками и меловыми рисунками асфальтовая дорожка была пуста, с обеих сторон ее клубились высокие и густые кусты, и сквозь пышные кроны деревьев едва проникали солнечные лучи. В этом глухом месте я не привлекал ничьего внимания.

«Макаров», лежащий в бардачке, разжигал мое любопытство. В самом пистолете, как таковом, ничего интересного для меня не было. За мной числился точно такой же служебный «макаров», который хранился в оружейной комнате отделения милиции, и я умел разбирать его до последнего винтика с завязанными глазами. Но пистолет, лежащий в бардачке моей машины, имел один страшный отличительный признак: он был оружием недавно совершенного убийства; всего сорок минут назад его сжимал в руке преступник, тень которого невольно легла на меня.

Я открыл бардачок, накинул на пистолет тряпку, которой обычно протирали ветровое стекло, и поднес его к лицу. «Макаров» был не новый, ствольная коробка посветлела, а спусковой крючок вообще был отполирован едва ли не до белизны. Я приблизил ствол к носу. В ноздришибанул кисловатый запах пороховой гари. Я, конечно, не эксперт, но в том, что из этого пистолета совсем недавно стреляли, меня не надо было убеждать. Отстегнул магазин. Четыре матово-золотистых патрона стояли в ровном ряду, прижавшись друг к дружке. Словно бочонки с вином в подземном хранилище. Я осторожно оттянул ствольную коробку, и из пистолета выпрыгнул пятый, уже сидевший в стволе, патрон. Но почему только пять? Я отчетливо слышал два выстрела, следовательно, остаться должно было шесть патронов. Либо убийца располагал неполным магазином, либо он сделал три выстрела, один из которых я не услышал.

Пятый патрон нехотя вернулся в строй своих собратьев. Я загнал магазин в рукоятку и поднял флажок предохранителя... Куда бы его спрятать? Под рубашку? Но она и так трещит на моей груди и едва сходится на животе – пистолет под ней будет выпирать словно кролик, только что проглоченный удавом. В карман брюк? Но оттуда он тоже будет выпирать, и стыдно сказать, что будет напоминать.

Я наклонился и затолкал «макаров» стволом в носок. Сверху прикрыл штаниной. То, что надо! Пистолет держится достаточно надежно. Но при необходимости я могу от него быстро избавиться: достаточно сделать резкое движение, словно я бью по мячу ногой. Пистолет отлетит в сторону, и доказать, что он находился при мне, уже никто не сможет.

Вне машины я почувствовал себя так, как рыцарь без доспехов. «Жигуль» был хоть слабым, но моим единственным укрытием. Я мягко прикрыл дверь и надавил на нее коленом. Тихо клацнул замок. Посмотрел по сторонам. Никого. Запер дверь на ключ. Обошел мусорные баки и перепрыгнул через кусты.

Я оказался в заброшенном парке с заросшими травой тропинками. Шел быстро, выбирая самые густые и труднопроходимые заросли. Под ногами чавкала влажная земля. Я все время оглядывался и никак не мог отделаться от чувства, что за мной следят. Пистолет, торчащий в носке, натирал ногу. Рубашка прилипла к влажному телу. К подошвам ботинок пристали комья глины. Всё было плохо. Нежданно-негаданно я вляпался в скверную историю. Хотел сделать доброе дело человеку.

Тропинка привела меня в овражек. Я спустился в него, прошел по водостоку и оказался на стройке без каких-либо признаков рабочего усердия. Вокруг царил тишина. Я сел на бетонную плиту под подъемным краном, похожим на колодезного журавля, и вынул из кармана

мобильник. Два часа, конечно, не прошло. Но ситуация сложилась так, что медлить нельзя. Федька должен меня понять.

Я стал набирать его номер, но на третьей цифре остановился. Кто знает, как там у них, в милиции? Может, все мобильные телефоны прослушиваются. А запеленговать мобильник – вообще пара пустяков. Не успею рассказать ему, как посадил дамочку в машину, как сюда нагрянут омоновцы.

Минуту я грыз кончик антенны, ломая голову над тем, рискнуть или не стоит. Потом взобрался на сложенные друг на друга бетонные плиты, откуда вся строительная площадка была видна, как на ладони, и оттуда позвонил Федьке.

Он сразу ответил.

– Слушаю вас!

Я постарался говорить с ним тем жизнерадостным тоном, каким всегда разговаривал с ним:

– Федька, привет! Это Вацура.

Федька умел владеть собой, но пауза, которая последовала после того, как я представился, была на полсекунды, даже на четверть секунды длиннее, чем обычно. И я понял, что Новоруков уже в курсе дела.

– Да, Кирилл... Я ждал твоего звонка...

Он кашлянул и замолчал, ожидая, что я ему скажу. Раньше он рта не давал мне раскрыть, заваливая меня вопросами и предложениями съездить на рыбалку. Я не стал играть и давать ему возможность играть со мной.

– Ты, наверное, уже все знаешь...

Он опять кашлянул. Я представил, как бедолага сидит за столом в своем кабинете и морщится, и лихорадочно думает, как поступить, и трубка мобильного прожигает ему ухо, будто это душевая лейка, и из нее хлещет кипяток. Тяжелая эта судьба – следствие. Стал следователем – забудь о дружбе.

– Какого черта ты оттуда уехал? – негромко, но с явной злостью произнес он. Прорвало! Федька нащупал ту тоненькую ниточку, по которой он мог пройти и при этом остаться и следователем, и моим другом одновременно. – Ты должен был дать показания как свидетель! Что ты, как мальчишка, ей Богу! А зачем взятку милиционеру предлагал? Кирилл, я от тебя такого не ожидал! Сам ведь в детективном агентстве работаешь и должен понимать...

Я не мог говорить с ним слишком долго. Если нас, в самом деле, прослушивали, то те, кто по долгу службы должен был определить мое местонахождение, уже этим занимался.

– Федор, меня подставили, – произнес я.

– Не говори глупостей. Мы во всем разберемся. Ты должен немедленно дать показания. Поезжай в ближайшее отделение и обратись к дежурному! Он вызовет наряд.

Это уже говорил следователь Новоруков.

Мысли крутились в моем сознании, как шарики лото в барабане. Сунуть пистолет под бетонную плиту и поехать к Федьке? И вообще ни слова не сказать о «макарове»? А вдруг милиционер, который обыскивал мою машину, успел заглянуть в бардачок и заметил «ствол», да виду не подал, чтобы меня не спугнуть? Вполне может быть. Какими глазами он на меня смотрел, когда про оружие спрашивал! И сейчас Федька меня проверяет: если расскажу про пистолет – значит, в самом деле подкинули. А если промолчу – значит, скрываю, извиваюсь, как уж в руках.

– Федор, вся беда в том, что я нашел в своей машине «макаров».

– Что??

Он опять кашлянул. Похоже, что эта новость ввела его в состояние шока.

– Кто-то подкинул мне пистолет! – повторил я.

– Гм...

Он терялся и никак не мог для себя решить, кем быть: следователем или другом?

– Потому я и сбежал, чтобы «ствол» не нашли! Что мне делать, дружище?

– Я тебе перезвоню...

И отбой.

Я тотчас спрыгнул на песок и, петляя между куч строительного мусора, быстро пошел к виднеющейся впереди дороге. Отсчет времени пошел. Предположим худшее: меня запеленговали. Как скоро здесь может появиться милицейская машина?

Я вышел на дорогу и поднял руку. Повезло: тотчас к обочине прижался «запорожец». Оказалась, инвалидка. Улыбчивый одноногий парень радостно предложил мне сесть, даже не поинтересовавшись, куда мне надо. Я не без труда впихнул себя в тесный салон. Парень, беспокоясь за дискомфорт, который невольно мне доставил, закинул костыли на заднее сидение и стал делать массу странных и непривычных для меня движений руками, заставляя машину тронуться с места и набрать скорость.

– Вам тесновато, да? – переживал он. – Вы сидение сдвиньте назад до упора.

Мне пришлось развернуть плечи и повернуться к водителю спиной, чтобы не мешать ему рулить. Во время езды я чувствовал себя намного более защищенным и мобильным. Нужна машина. На частниках или такси много не покатаешься. На Побережье у меня было много друзей, но не настолько близких, чтобы просить машину. Да и вообще, одалживать машину – это дурной тон. Как там в поговорке? Машину и жену не доверяй никому?

Остался у меня один незамутненный колодец, готовый напоить меня днем и ночью в неограниченных количествах. Только вот не плюнул ли я в него часом?.. Я мысленно прокрутил в уме конец рабочего дня в агентстве... Нет, вроде конфликта не было. Непонимание, прохлада, тень отчуждения – это было. Но это все в порядке вещей, издержки производства.

Я решительно вынул мобильник и набрал номер Ирэн.

– Твое предложение остается в силе? – спросил я, услышав протяжное «алло» и шум льющейся воды.

Я застал Ирэн врасплох. Она опешила от счастья и не смогла сразу подобрать нужные слова.

– А-а, это ты... А я в ванну залезла... Нет, это ерунда, я, в общем-то, уже помылась, сейчас, вытрусь только и даже накручиваться не буду... Господи, дура я, бес меня попутал с этой ванной... Кирилл, а ты где?

– Я буду тебя ждать в том кафе, куда ты меня пригласила, – сказал я и тотчас прервал связь.

– Куда вас отвезти? – спросил водитель.

Я боялся пошевелиться, чтобы ненароком не сломать хлипкое сидение или не вывалиться вместе с дверцей наружу.

– Мне нужно в кафе «Причал».

– «Причал», «Причал», – произнес водитель, кивая, хотя я понял, что он не знает этого кафе. Как, впрочем, не знает и многих других. – Вы не беспокойтесь, я вас быстро довезу... С ветерком... Насколько я понимаю, это где-то на набережной...

Я, стыдясь своей комплекции, своего здоровья, своих ног, которые едва умещались под панелью, смотрел на парня, на его суетливые движения, на быстрые руки, которыми он успевал не только крутить руль, но и тормозить, выжимать сцепление и добавлять газ, и в этой суете легко угадывалось желание показать мне свое умение водить машину, да еще и убедить, что он вовсе не беспомощный инвалид, а почти такой же человек, как все, и может приносить людям пользу, может запросто покатавать на своем «запорожце» такого бугая вроде меня, да еще и с ветерком, и для него это совсем нетрудно, проще пареной репы... Несколько раз он притормаживал рядом с желтыми такси и вполголоса, будто таясь, спрашивал у водителей про

кафе «Причал», и я видел, как он переживает и мысленно проклинает себя за то, что до сих пор не выучил названия и адреса всех кафе, ресторанов и казино города.

Пользуясь своим правом, он выехал на набережную, куда проезд был закрыт, и не смог сдержаться, чтобы не обратить на это преимущество мое внимание («Здесь «кирпич», да черт с ним!» или «Въезд запрещен, а мы все равно въедем!»), и весь зарделся от гордости, когда я вслух заметил, что первый раз в жизни еду по набережной на машине, а до этого ездил тут исключительно на роликах или велосипеде. Наконец, мой водитель узнал у шашлычника, где находится «Причал», и подвез меня к самым дверям кафе.

Я выгреб из кармана все те мятые купюры, которые милиционер принял за взятку, и протянул водителю. Парень без всякого лицемерия возмутился:

– Да вы что!! Уберите деньги! И даже не думайте! Я все равно не возьму...

Он видел, что я предлагаю слишком много, чем полагается за такой короткий маршрут, следовательно, я отношусь к нему не как к обычному «частнику», а как к инвалиду, испытываю к нему жалость, сострадание, и это обидело его. Но забрать деньги я не мог и, положив мятые сторублевки на сидение, поскорей захлопнул дверь.

В горном Крыму расположена секретная воинская часть. Ни местные жители, ни органы правопорядка не знают, кто в ней служит и чем занимается личный состав. Только одна чудачковатая девушка утверждает, что эта воинская часть «нехорошая», странная. В ней якобы служит ее возлюбленный, да только на письма не откликается, со службы не возвращается – словом, как в воду канул. К кому только не обращалась за помощью – все тщетно! Частному детективу Кириллу Вацуре, как бывшему спецназовцу, несложно было бы разыскать пропавшего бойца, да вот только «воинскими делами» его сыскное агентство не занимается. Впрочем, не занималось до поры до времени. После того как над Черным морем был сбит пассажирский самолет, а несложные расчеты курса точно указали, что выпущена ракета была именно с той самой злополучной воинской части, Вацура приступил к расследованию. И ужаснулся тому, что ему стало известно...

Глава четвертая. Штопор

Тут на моем поясе задрожал, как в лихорадке, мобильник. Я кинулся подальше от кафе. «Тихая музыка», о которой упоминала Ирэн, рвала мне барабанные перепонки.

– Кирилл, все это очень серьезно, – услышал я голос Федьки Новорукова. – Ты где сейчас?

Я промолчал, старательно прикрывая трубку рукой, чтобы Федька не услышал музыку. Хотя вряд ли моя ладонь могла стать преградой для сотни децибел.

– Ладно, можешь не говорить, – правильно истолковал мое молчание Федька. – Но все-таки сделай музыку потише, я не могу кричать.

Этот сукин кот проверял меня: в машине я или нет?

– Хорошо, – ответил я и, перемахнув через парапет, побежал по пляжу к морю, где тяжелые конвульсии рэпа были не так слышны.

– Так нормально? – с трудом сдерживая дыхание, спросил я, опускаясь на гальку у самой воды.

Федька в ответ негромко выругался и спросил:

– И долго ты намерен валять дурака? Я ведь знаю, что ты на набережной! Поубавь шум волн!

– А что ты еще знаешь? – не вполне вежливо спросил я.

– Какого хрена ты мне звонил?! – вдруг взорвался Федька. – Ты хочешь, чтобы я тебе помог или намерен играть со мной в прятки?

– А ты сможешь мне помочь?

– Для этого я сначала должен знать всё! Что случилось? Как ты оказался рядом с трупом?

Сгущались сумерки. Галька уже остыла. От моря тянуло сырым теплом и запахом водорослей. Недалеко от меня громко смеялась и звенела стаканами компания тучных женщин и рыхлых мужчин.

Он прав. Сейчас Федька для меня – все равно, что доктор для больного. Хочешь получишь помощь – рассказывай все, как на духу, где болит и что болит, даже если очень стыдно и страшно.

– Я подвез незнакомую мне женщину к дому, а когда она зашла в подъезд, услышал два выстрела, – лаконично рассказывал я. – Побежал туда. Нашел ее на третьем этаже. Она лежала в луже крови. Потрогал рукой сонную артерию, а бабка, которая наблюдала за мной в глазок, решила, что я душу эту несчастную.

– Ты услышал два выстрела сразу после того, как она зашла в подъезд?

Федька начал профессионально копать. Я почувствовал себя зверем, которого хитрый охотник загоняет в западню.

– Не сразу, конечно, – поправил я. – Приблизительно через минуту.

– А для чего ты стоял минуту у подъезда?

Всё! Он вцепился мертвой хваткой. Он чувствует, что я что-то скрываю. Рассказать ему, что эта женщина приходила в агентство с пустяковой просьбой, и что мы ей отказали, а потом вдруг я решил подвезти ее к дому? А у самого дома все-таки решил помочь ей? Он спросит, почему я изменил свое решение, а я отвечу, что из-за жалости? Очень неубедительно, несмотря на то, что это правда. Именно Федьке это покажется неубедительным, потому что он не относится к числу тех людей, которые что-либо делают из-за жалости. Каждый свой шаг, каждый поступок он мысленно тестирует вопросом: а ради чего я это делаю? а законно ли это?

– У меня машина не сразу завелась, – сходу соврал я, понимая, что кран лжи уже открыт, и при необходимости я буду лгать не задумываясь.

– А зачем ты ее заглушил? – загонял меня в угол Федька.

– Женщина долго деньги отсчитывала, а у меня бензин был на нуле.

Не знаю, удовлетворил ли его этот ответ, но он начал наносить удары с другой стороны:

– Ты поднялся на третий этаж...

– Да, я стал подниматься по лестнице...

– ...и никого не встретил?

– Нет, никого. Дошел до третьего этажа и вижу – она лежит, а по перилам кровь капает.

Я склонился перед ней и пощупал сонную артерию.

– Зачем?

– Как зачем, Федька? – искренне удивился я. – Я хотел узнать, жива она или мертва.

– Для тебя это был принципиальный вопрос? Он как-то повлиял на твои дальнейшие поступки? Если бы ты убедился, что она жива, ты поступил бы иначе?

Он бил меня прямо по печенке!

– Федор, я в ту минуту не задумывался над этим, – признался я и принялся лихорадочно копошиться в мозгах в поисках какой-нибудь умной мысли, словно в сундуке с тряпьем. – Если бы она была еще жива, то я, наверное, попытался бы остановить кровотечение и обработать рану.

– Но почему ты решил пощупать сонную артерию? Ведь проще было попытаться найти пульс на запястье?

– А какая разница?

– Ты делал это одной рукой или двумя?

– Сначала одной... Я точно не помню, может быть, потом второй...

– Хорошо, ты убедился, что она мертва. Зачем ты начал ломиться в двери?

– Чтобы кто-нибудь из жильцов позвонил в милицию.

– А почему ты не воспользовался мобильником? Насколько я помню, ты отвечал на мои звонки то с пляжа, то из бара, то с прогулочного катера. Следовательно, ты всегда носишь его с собой?

– Да! Я всегда ношу его с собой! – ответил я раздраженно, начиная нервничать. На собственной шкуре я убеждался, как профессиональный следователь может из мелких и, казалось бы, несущественных фактов, сплести крепкую паутину обвинения. – Но в этот раз я оставил его в машине. Так получилось. Нечаянно. Тебя это настораживает? Забыть мобильник в машине – это что-то из ряда вон выходящее?

– Не кричи, – строго приструнил меня Федька. – Кричать будешь на футболе... Что ты сделал потом?

– Через дверь отозвалась какая-то ненормальная бабка, – продолжал я, вытирая свободной рукой пот, который ручьями лился по лбу. – Она сказала, что милицию уже вызвала.

– И ты сразу пошел вниз?

– Нет, я поднялся на пятый этаж.

– Зачем?

– Как зачем? – устало произнес я. – Я ведь тоже в какой-то степени детектив! Убийца мог попытаться уйти с места преступления по крыше дома. Я поднялся наверх, но люк оказался закрыт на замок.

– А если бы он не был закрыт, ты вышел бы на крышу?

Нет, эта манера разговора просто невыносима! Федька уже не просто припер меня к стенке. Он тузит меня кулаками под ребра, он не дает мне прийти в себя, отдышаться, подумать; он выбивает из меня признание в совершении убийства!

Я упрямо молчал. Федька нетерпеливо рыкнул:

– Дальше!

– Я спустился вниз, – нехотя продолжил я. – Подъехала милиция. Меня попросили предъявить документы. Я открыл бардачок, где лежала сумка, и увидел «макаров».

Я слышал, как Федька недовольно сопит. Этот звук не могло заглушить даже море.

– И ты не придумал ничего лучшего, чем дать дёру?

– А ты предпочел бы, чтобы меня посадили в следственный изолятор?

– Следственный изолятор – это не гильотина, умник! Посидел бы немного и вышел, ничего бы с тобой не случилось! А теперь за тобой такая телега проблем, что пупок надорвешь таскать ее за собой! Дальше рассказывай!

– Я осмотрел «макаров». В нем было пять патронов, один из них уже сидел в стволе.

– Пять? Почему пять? Женщина была убита двумя пулями, и свидетели подтверждают, что слышали только два выстрела.

– Это, Федор, вопрос не по адресу. Ты скажи, что мне теперь делать?

– Снимать штаны и бегать! Продолжай! Что дальше было?

– Ничего не было. Всё.

– Всё? – недоверчиво уточнил Федька. – А про убитую ты ничего не хочешь рассказать?

Я поразился его осведомленности. Неужели он уже знает о том, что она была у нас в агентстве? Возможно, ему известно, с какой именно просьбой она к нам обращалась. Зачем же я юлил? Только подозрение вызвал. Пришлось признаться, что дамочка просила меня разыскать своего возлюбленного, который прячется от нее в какой-то секретной воинской части.

– Не о том говоришь, Кирилл!

Мне надоел тон, с каким он разговаривал со мной. Если его интересуют какие-либо конкретные детали нашего короткого общения, то пусть говорит прямо, что именно он хочет от меня услышать.

– Я не знаю, что еще тебе рассказать интересного! – ответил я.

Возникла недолгая пауза. Изменившимся голосом (вот это уже был стопроцентный следователь Новоруков!) Федька произнес:

– У меня складывается впечатление, что ты ведешь двойную игру, Кирилл. Я перестаю тебе верить, потому что ты обманываешь меня. Боюсь, что я ничем не могу быть тебе полезен.

Я никогда не жаловался на свою память, но после таких слов засомневался: в самом деле, а все ли я рассказал Федьке, не забыл ли чего-то очень важного?

– Ты не кипятись, – попросил я его. – Но я действительно не знаю, какая еще информация тебе нужна... У нее была короткая обесцвеченная челка. Ее мама слепая, и потому работает дома. Ее парень сначала числился пропавшим без вести... И вот что еще запало мне в память: когда мы ехали к ее дому, мне казалось, что за нами следит черный «ленд-крузер»...

– Мне плевать на «ленд-крузер»! – рявкнул Федька. Наверное, он решил, что я над ним издеваюсь. – Меня интересует только убитая! Что она сделала?

Не знаю, какое в этот момент было выражение на моем лице, но оно почему-то понравилось пьяной немолодой женщине из веселой бутылочной компании. Шурша галькой, она подошла ко мне и тронула за плечо.

– Красавчик, а штопора у тебя случайно не найдется?

Живот ее был пухлый, бугристый, с косыми, через весь живот, «автографами» хирургов. Я не успел прикрыть трубку рукой и отмахнуться от нее, как Федька нервно процедил:

– В общем так, красавчик. Мне кажется, что ты вовсе не нуждаешься в моей помощи, тебе там хорошо и весело. Но хочу на всякий случай предупредить: у тебя очень большие проблемы.

– Постой! – сказал я, боясь, как бы Федька не отключил свой телефон (женщина, которой был нужен штопор, обернулась и вопросительно посмотрела на меня). – Скажи, для того, чтобы проблем не стало, мне достаточно прийти в милицию и сесть в сизо? Так, кажется, ты говорил минут пять назад?

Федька опять засопел, не зная, как мне ответить.

– Давай не будем торговаться, – жестко произнес он. – Если ты хочешь, чтобы я тебе помог, ты должен убедить меня в том, что не убивал эту женщину. А для этого тебе придется очень, очень потрудиться.

Вот это поворот! Только сейчас я понял, какая пропасть лежала между нами. Федька неожиданно раскрыл карты, и оказалось, что он подозревает меня в убийстве!

– Федор, – произнес я тихо, без эмоций и надрыва. – Я не убивал ее. Зачем мне ее убивать? Какой смысл? Напротив, я хотел помочь этой женщине.

– Смысл? – повторил Федька, раздумывая, выкладывать передо мной свой главный козырь или нет. – А смысл в том договоре, который мы нашли в сумочке убитой.

Наверное, у каждого человека в жизни бывают моменты, когда он решительно ничего не понимает. Именно такой момент наступил сейчас у меня.

– А ты можешь выразиться более ясно?

Я чувствовал, что он не верит моему недоумению, считает, что я играю, причем фальшиво.

– Я не знаю, Кирилл, почему ты так ко мне относишься, – устало произнес он. – Продолжаешь кривляться, хлопать глазами, как дурачок. Я ведь искренне хочу тебе помочь, но ты пытаешься водить меня за нос... Что ж, выражаюсь более ясно: в сумочке убитой нашли проект договор некоего Фатьянова со строительной фирмой «Пальмира» о строительстве загородного дома общей площадью тысяча двести квадратных метров и стоимостью триста тысяч долларов...

– Но при чем здесь я?

– Фу-ты, ну-ты, – тяжело вздохнул Федька, словно выполнял тяжелую и неприятную работу. – Объясняю: на проекте этого договора стоит регистрационный штамп твоего агентства. Значит, Фатьянов принес этот договор тебе для проверки на юридическую чистоту. И еще я знаю, что ты дал ему расписку о неразглашении условий договора третьим лицам. Так? Но по какой-то причине этот договор оказался в сумочке у третьего лица, то есть, у молодой женщины с короткой стрижкой под «ёжик». Думаю, что тебе это шибко не понравилось, и ты побеспокоился о репутации своего агентства...

Это был приговор. Чудовищное наваждение! Цепочка событий, которые я не мог ни спрогнозировать, ни увидеть в кошмарном сне. Федька уверен, что я убил женщину из-за того, что у нее в сумочке оказался конфиденциальный договор некоего Фатьянова! Сказать, что я потерял дар речи, значило не сказать ничего. Я просто отупел, будто превратился в барана, который со связанными копытами лежал на жертвенном постаменте, а вокруг него улюлюкала и точила ножи толпа.

– Молчишь? – спросил Федька. – Пистолет куда дел?

– Он со мной, – безжизненным голосом ответил я.

– Тогда приезжай. Немедленно приезжай. И я докладываю прокурору, что ты явился добровольно.

– А если я не приеду, тебя накажут?

– Ты не о том думаешь, это моя головная боль. Тебе надо растирать в пыль мозги и искать себе алиби, понял? А-ли-би!

– А как можно искать алиби, сидя в сизо?

– Я постараюсь убедить прокурора, чтобы ограничил тебя подпиской о невыезде.

– А если не убедишь?

– Черт возьми, Кирилл! – вскричал Федька. – А у тебя есть выбор? Что ты торгуешься со мной, тасуешь варианты? Ты уже столько всего наворотил, что подписку о невыезде должен воспринимать как предел мечтаний. А ты носом крутишь, словно избалованная невеста. Бегом в милицию!

– Сейчас, только кроссовки одену, чтобы быстрее бежать, – ответил я.

– Ну, как знаешь, – тихо и равнодушно ответил Федька. – Потом не обижайся на меня.

– Нет, Федор, не дождешься. Какой смысл мне на тебя обижаться? Ты следовательно, а я рядовой гражданин. Подозревать – твоя профессиональная привычка, и ты от нее уже никогда

не избавишься. Это когда-то давно, в Афгане, ты ходил со мной в разведку и не требовал от меня доказательств, что в трудную минуту я тебя не брошу.

– Ладно трепать языком, умник.

Я чувствовал, что задел его за живое. Может, не надо было вспоминать Афган? А как бы я поступил на его месте, будь я следователем? Закрыл бы на все улики глаза и безоглядно поверил старому другу, рискуя карьерой? Сложно всё, очень сложно.

Разговор был исчерпан. Федька понял, что идти в милицию я не намерен, а я понял, что он готов мне помочь лишь в рамках уголовно-процессуального кодекса: ходатайствовать перед прокурором о смягчении меры пресечения, о выделении мне отдельной камеры с видом на море и т. д. и т. п. Я отключил связь, схватил тяжелый овальный камень, отшлифованный волнами, и с силой швырнул его в море. Пропади всё пропадом! Наговорил, наверное, долларов на десять, и всё коту под хвост.

Глава пятая. Непорочный холостяк

– Выпить хочешь?

Рядом со мной стояла все та же нетрезвая женщина с исполосованным шрамами животом. В руке она держала стакан, наполненный жидкостью цвета чая. Я взял стакан. Женщина села со мной рядом и уставилась на море. Я выпил без брезгливости и отвращения и тотчас почувствовал, как мне на глаза легла прохладная ладонь. Я обернулся и увидел Ирэн. Вот родная душа, которая способна меня понять! По ее внешнему виду можно было судить, насколько серьезно она готовилась к встрече со мной: ее тело обтягивало вечернее платье из черного бархата; волосы были убраны назад, идеально приглажены и мерцали блестками; лицо было детально отработано косметикой, а обнаженные руки украшены многочисленными золотыми браслетами. Правда, Ирэн предусмотрительно сняла туфли на тонких шпильках, чтобы не сломать каблучки на гальке, но, тем не менее, выглядела она безупречно.

Я вернул стакан доброй женщине и по ее лицу понял, что она вовсе не рада появлению здесь Ирэн и собирается закатить конкурентке скандал.

– Я, между прочим, первая к нему подошла! – заявила она, не без усилий поднимаясь на ноги и сжимая стакан, как гранату.

Ирэн беспомощно заморгала и попятилась. Я взял ее под руку и быстро повел к парапету.

– Ты на машине? – спросил я.

– Да.

– Поехали куда-нибудь.

– А разве мы... разве ты не хочешь поужинать?

Я видел в ее глазах легкое недоумение. Она смотрела на мою мятую рубашку, на туфли, выпачканные в строительной пыли, на мой слегка сумасшедший взгляд и терзалась вопросом: что все это значит? Куда мы поедем? Для чего я вызвал ее сюда?

– Тут очень шумно, – ответил я. – А мне хотелось бы побыть с тобой наедине...

Я был заточен в своих проблемах и не слишком задумывался над тем, как Ирэн будет истолковывать мои слова. Она была очень далека от того жуткого мира, в котором я сейчас пребывал, и с трудом боролась с волнением, которое вызвало мое предложение побыть наедине.

Мы вышли на сумеречную набережную, заполненную плотным потоком праздных людей. Нас толкали и невольно норовили разлучить. Ирэн взяла меня под руку. Я крутил во все стороны головой, чтобы вовремя заметить крадущихся милиционеров, и несколько раз встретился с Ирэн взглядом. Она натянуто улыбалась и все больше погружалась в решение головоломки, которую я ей задал своим странным поведением и видом.

На открытом лотке, пристроившемся под могучей сосной, я купил водки и шампанского. Подумал и взял еще томатного сока.

– Заплати, а то у меня кончились деньги, – попросил я, заталкивая бутылки в пакет.

Ирэн кивнула, щеки ее порозовели, и она торопливо полезла в сумочку за кошельком. Не знаю, может быть, я вел себя по-хамски, но в тот момент я не мог думать об этикете. И вообще, я не хотел играть с Ирэн, не хотел поступать так, как положено, а поступал так, как получалось само по себе. Потому что знал, что Ирэн мне все простит. И потому, что не было необходимости красоваться перед ней и стараться понравиться. С Ирэн мне было легко. Какое удовольствие общаться с красивой девушкой, когда твое сердце не отягощено любовью к ней!

Я с пакетом под мышкой первым нырнул в сумрак тихой улочки, сплошь заставленной большими кашпо с цветами. Ирэн, хромая, едва поспевала за мной. Наверное, ради этого свидания она надела новые туфли, и они уже успели натереть ей ноги. Весь ее лоск и блеск, который она так бережно подносила к кафе «Причал», потихоньку рушился и угасал. Из заколки высвободилась прядь волос и свесилась тонкой стружкой над щекой. Контур губ слегка сма-

зался. Одна бретелька платья упала с плеча. Шея покраснела и заблестела от пота. В конце концов, Ирэн скинула туфли и пошла босиком. Я лишь раз обернулся и спросил:

– Ты как?

– Нормально.

Ни жалоб, ни сердитого упрека за испорченный вечер, ни косого взгляда. Лишь слабая улыбка на мгновение расслабила недоуменный излом губ. Удивительная покорность и терпение!

Мы вышли на стоянку. Ирэн открыла двери своего «опеля». Машина была далеко не новой, но безупречно чистой. Ирэн вообще патологически не выносила грязь. Всё, с чем она имела дело, всегда сверкало чистотой, будь то обувь, чашки, окна в нашей конторе или автомобиль. Правильно я называл ее должность – инспектор по чистоте.

– Садись, – сказала она. – Давай я положу пакет на заднее сидение... Подрегулируй сидение под себя! Стекло опусти, если хочешь...

Она вела себя так, словно пригласила меня к себе домой: вот вешалка, вот тапочки, ванная – сюда, а туалет напротив... Впрочем, машина – это тоже дом, точнее, небольшая его часть. Я развалился на удобном сидении, откинул голову назад и закрыл глаза. С чего начать? Как рассказать ей о моих злоключениях и при этом не слишком испортить ей настроение? Ирэн ждала от меня совсем другого. Бедолага даже не догадывалась, какие тяжелые мысли переполняли мое сознание. Она думала о диком пляже, теплом дыхании моря, серебристой лунной дорожке, и о том, чтобы я не пожалел, чтобы мне всё понравилось, чтобы у нас обоих было легко на душе.

– Куда едем? – спросила она.

Я не ответил. В этом не было смысла – Ирэн уже тронулась с места и вырулила на центральную улицу. Мое молчание она восприняла как одобрение. Не возражает мужик – значит, всё баба делает правильно. На Побережье все улицы вьются по курортным законам, то есть, ведут либо к морю, либо вдоль него. Других направлений не существует. Так и эта улица рано или поздно выведет нас за пределы города, затем проведет по извилистому горному серпантину, среди сосновых рощ, меловых осыпей, над крутыми обрывами, под которыми не различишь, где кончается море и начинается небо, где светятся огоньки стоящих на рейде кораблей, а где мерцают звезды, затем пронзит содрогающийся от музыки курортный поселок Дикая Бухта, плавно перетечет в набережную и закончится перед галечными завалами дикого пляжа.

Вскоре мы выскочили за пределы города. Перед патрульным постом Ирэн сбросила скорость. Милиционеры, стоящие на краю дороги, проводили нас взглядами, но не остановили. Ирэн включила дальний свет фар, и из тьмы нам навстречу поплыли дорожные знаки, да хищные красные глазки ограничителей. Дорога туго обвивала пушистые горы, словно змея мускулистое тело Лаокоона. Мы поднимались на перевал. Сквозь ветви сосен за нами подглядывала полнокруглая розовощекая луна, поднимающаяся над горизонтом. Воздух был влажный, настоящий, как экзотический чай, на травах и цветках. Я высунул руку в окно, и под мою ладонь тотчас накатила, подкидывая вверх, упругая воздушная волна.

– Ирэн, – произнес я тем тоном, каким говорят о какой-нибудь несущественной ерунде. – Ты что-нибудь слышала о строительной фирме «Пальмира»?

– Слышала, – ответила она, нажимая на кнопки магнитолы и пытаясь найти музыку. – В прошлую пятницу к нам приходил молодой человек по фамилии Фатьянов. Он принес проект договора с «Пальмирой». Тебя в это время не было, ты, кажется, летал.

– Что за договор?

– О строительстве коттеджа где-то в горах. Молодой человек попросил проверить серьезность намерений этой фирмы.

– Проверила?

Ирэн нашла радиостанцию, которая передавала песню Меладзе, и сделала погромче.

– Да, я навела справки. Это вполне приличная организация, которая уже восемь лет строит особняки и коттеджи. Никаких судебных исков по отношению к ней не было, банковские счета не арестованы, все налоги выплачены. В общем, полный порядок.

– Ты дала этому молодому человеку расписку о неразглашении сведений, которые были в договоре?

Ирэн, кажется, поняла, что мое любопытство – вовсе не повод для начала веселой болтовни. Она кинула на меня короткий взгляд. Темнота скрывала от меня ее глаза, но все же я почувствовал настороженность.

– Расписку? – произнесла она, делая большие паузы между словами. – Конечно. Я дала ему расписку и сделала об этом пометку на договоре. А что? Ко мне есть какие-то претензии?

Ирэн уже поняла, что романтического вечера на диком пляже не будет, и что сейчас ей придется оправдываться и держать оборону. Наверное, она застыдилась своей наивности, которая кружила ей голову по дороге к кафе. Нервным движением выключила магнитолау, сняла заколку и тряхнула головой, будто хотела закрыть волосы как щитом. Я попытался ее успокоить.

– Нет. Просто мне хочется узнать, чего опасался молодой человек? В договоре была какая-нибудь необыкновенная информация?

– Ничего особенного. Стандартный типовой договор: сроки, выплаты, контроль качества работ, штрафные санкции и так далее.

– Адрес Фатьянова был указан?

– Да. Южнобережное шоссе, дом триста девяносто.

– А квартира?

– Квартиры не было. Наверное, это особняк.

Она все чаще поворачивала голову и вопросительно смотрела на меня. Мы рисковали не вписаться в поворот и свалиться с обрыва.

– Ирэн, скажи мне, – произнес я, и по моему тону Ирэн поняла, что сейчас я задам подытоживающий, главный вопрос. – А где сейчас этот договор?

Она притормозила, вырулила в «карман» на краю обрыва, огороженного перилами, и остановилась. Мы смотрели друг на друга. Лицо Ирэн, освещенное луной, казалось необыкновенно бледным.

– Во всяком случае, – произнесла она, с усилием подавляя нотки испуга в голосе, – когда я уходила, он лежал на моем столе.

– Конфиденциальный договор, за сохранность которого ты дала расписку, вот так просто лежал на твоём столе?! – вспыхнул я.

Это был первый серьезный прокол Ирэн. Она сама не ожидала от себя такого и растерянно пожала плечами.

– Бес попутал, – пробормотала она. – Я ведь хотела перед уходом спрятать его в сейф, но ты...

– Что я?!

– В общем... как тебе сказать... – она опустила глаза и стала тереть ремень безопасности на груди. – Что-то на меня накатило, стало как-то грустно, и из твоего кабинета я пошла сразу к выходу.

Оказывается, я во всем виноват! Видите ли, отказался с Ирэн поужинать, и она от горя потеряла голову, забыла про договор, про расписку, про постороннюю женщину в кабинете!

Мне стало душно и тесно. Прежде чем выйти из машины, я наклонился, вытащил пистолет, который натер мне ногу, как кандалы, и кинул его на панель. Подойдя к перилам, я сел на них и уставился в непроглядную темноту, в которой, словно жуки-светлячки, медленно ползали корабельные огоньки... Вот я и добрался до истока всех сегодняшних бед. Как там поётся в английской песенке? В кузнице не нашлось гвоздя, чтобы подковать лошадь, и от этого она

захромала, и потому убили командира, и оттого армию разгромил неприятель, а в итоге враг захватил и спалил город... А в моем варианте логическая цепочка выглядит так: Ирэн оставила на столе договор, который похитила незнакомая женщина, которую потом убили, и вот теперь я, обвешанный уликами, как новогодняя ёлка игрушками, сижу над обрывом, и мою кислую физиономию заливают лунный свет.

Или же все началось с того, что я отказал Ирэн поужинать с ней в кафе? Пожалуй, именно с этого. Значит, надо извлечь горький урок: отказывать женщине нельзя!

Я слышал, как Ирэн тихо крадется ко мне. Встала рядом. Освещенный луной силуэт, казалось, был вырезан из фольги и наклеен на черную бумагу.

– Выпей, – сказала она и протянула мне пластиковый стаканчик.

Второй раз за сегодняшний день женщина предлагала мне выпить. Интересно, это считается хорошим или дурным знаком?

Я выпил, смял стаканчик в руке и спокойно, не драматизируя, словно пересказывая содержание достаточно скучной книги, изложил события сегодняшнего дня, начиная с того момента, когда выпроводил дамочку из агентства. Ирэн слушала не перебивая и не глядя на меня. Она, словно загорая, подставила лицо лунному свету и закрыла глаза. Когда я замолчал, Ирэн медленно повернула свое осеребренное лицо ко мне. Я ожидал увидеть широко распахнутые, полные ужаса глаза и напряженно-дрожащие губы, но к своему удивлению встретил спокойный и умиротворенный взгляд, каким победитель смотрит на побежденного.

– Нехорошая история, – заключила она. – Тебе нельзя появляться в своем доме.

Ее непрошибаемое спокойствие удивило меня. Хоть бы дала намек на раскаянье, хоть бы извинилась за оплошность с договором. Тон спокойный и почти безразличный: «Тебе нельзя появляться в своем доме».

– Правильно, – ответил я. – А еще мне нельзя появляться в агентстве, следует воздержаться от посещений улиц нашего города, набережной, обходить стороной парки и скверы, не соваться на рынки, избегать магазинов...

– Ты можешь жить у меня, – перебила меня Ирэн.

Что ни говорите, а у незамужних баб только одно на уме. Ей до лампочки, что сейчас творится в моей душе, и что меня ждет впереди. Она счастлива только от одной мысли, что может приютить меня и тем быть мне полезной. Нет, спасибо. Мне проще будет снять какой-нибудь курятник на берегу моря.

Ирэн отошла к машине и вернулась с бутылкой шампанского. Ей повезло, что непроглядная темень, словно чернилами, замазала ее лицо, иначе моей коллеге пришлось бы из всех сил скрывать выражение беспредельного счастья. Открыла шампанское она неудачно – из горлышка хлынула пенная струя, в итоге удалось нацедить два неполных стаканчика.

– За то, чтобы утереть твоему Федору нос, – предложила она тост и поднесла стаканчик к губам.

– А платочек имеется, которым будем утирать? – заметил я.

– И не один, – заверила Ирэн.

Шурша шинами в «карман» заехала тяжеловесная «Волга». Вышла парочка – парень и девушка. Они молча подошли к ограждению, освещенному фарами, молча постояли минуту, глядя на огоньки. Затем, как по команде, девушка повернулась к парню, а он к ней; она опустила руки ему на плечи, а он взялся за ее талию. Они стали целоваться. Ирэн через мое плечо с интересом следила за ними.

– Начинается всегда именно так, – сказала Ирэн, когда «Волга» уехала. Она долго провожала взглядом два красных габаритных огонька, которые медленно поднимались на перевал. – Но вот заканчивается иногда трагично... Это была его жена.

– Не обязательно, – возразил я с неохотой, не испытывая желания обсуждать совершенно заурядный эпизод с «Волгой». – Она может быть и чужой женой, и невестой, и любовницей.

– Я не про них, – ответила Ирэн и снова подставила лицо лунным лучам. – Я про Фатьянова и дамочку, которую убили.

Что она сказала? Я даже не заметил, как смял в руке второй стаканчик. Не прошло и пяти минут, как я посвятил Ирэн в суть дела, и вот уже готова первая версия. Причем, необычная и, в то же время, до банального простая.

– Его жена? – повторил я. – С чего ты взяла?

– Забудь о том, что она плела нам в конторе: про жениха, который пропал без вести, про квартиру и риэлтора. Это все легенда. Она пришла к нам, чтобы выкрасть у нас договор.

– Зачем?

– А затем, чтобы уличить мужа в сокрытии доходов.

– Не понимаю, – я пожал плечами. – Зачем мужу скрывать свои доходы от своей жены?

– Господи! – прошептала Ирэн и прижала к груди руку. – Как будет счастлива та женщина, которую ты возьмешь себе в жены!

– Не отвлекайся, – хмуро сказал я, тем не менее, польщенный ее комплиментом.

– Хорошо, поясняю для дремучих и непорочных холостяков. У семейных мужчин принято скрывать от своих жен некоторую часть своих доходов, и называется она заначкой. Тем, у кого заработок скромный, ее хватает разве что на пиво в кругу друзей. У богатых тоже есть заначка, но на нее можно купить коттедж в горах и поселить в нем любовницу.

– Потому Фатьянов взял с тебя расписку о неразглашении условий договора, – вслух размышлял я, – что боялся, как бы об этом договоре не пронюхала жена. Так?

– Совершенно верно, – кивнула Ирэн и, все больше погружаясь в азарт поиска истины. – Но жена все-таки пронюхала о существовании такого договора. Откуда она узнала, что договор у нас – вопрос второй. Как бы то ни было, она похитила его с моего стола, сунула в сумочку и пошла домой, предвкушая, какой эффект произведет этот договор на суде во время бракоразводного процесса. Но муж выследил ее на своем «ленд-круизере» с затемненными стеклами и хладнокровно убил на лестничной площадке.

Ирэн замолчала и с чувством выполненного долга глотнула шампанского. Вот за что я ее ценю – так это за неудержимую фантазию. Она умеет лепить всевозможные версии быстро и легко, словно глиняные горшки. Правда, все они потом превращаются в черепки при первом же моем прикосновении, и все же иногда мне удается найти среди черепков рациональное зерно.

– Ну, как? – спросила она, требуя по достоинству оценить остроту и гибкость ее ума.

– Чудовищно, – признался я. – Если следовать твоей логике, то получается, что Фатьянов – полный идиот. А я еще ни разу не встречал в среде богатых коммерсантов полных идиотов.

– Почему же это он идиот? – ревниво спросила Ирэн и сложила на груди руки.

– Во-первых, потому, что ради такой ерунды, как проект договора, он пошел на убийство жены.

– Какая же это ерунда?

– А такая, что договор, даже пусть он уже подписан – это еще не коттедж стоимостью в триста тысяч долларов. Это всего лишь обозначенные на бумаге намерения построить коттедж и заплатить за него. Допустим, узнал Фатьянов о том, что жена выкрала этот договор. Так зачем ее убивать? Черт с ним, с договором, пусть тешится дуреха. И даже если она начнет размахивать им в суде, он спокойно объяснит: «Да, я хотел построить коттедж, да не построил, потому что ни шиша не заработал!» И между делом втихую три коттеджа отгрохает.

Ирэн несколько приуныла.

– Во-вторых, Фатьянов выглядит у тебя идиотом еще потому, что, убив жену, не вынул из ее сумочки этот самый договор. Как же он мог оставить такую серьезную улику на месте преступления?

– Давай еще выпьем? – предложила Ирэн таким голосом, будто просила помиловать.

– погоди! – возразил я и взмахнул рукой. – И в третий раз твой Фатьянов идиот, потому что, имея деньги на коттедж, не купил жене приличную одежду и не заставил ее сходить в какой-нибудь престижный салон красоты. А теперь сама делай вывод.

Ирэн лихорадочно думала, чем бы отбиться. Аргументов у нее не нашлось, и она подняла лапки.

– Убедил. Она ему не жена. Но ты должен согласиться, что дамочка похитила договор именно для того, чтобы шантажировать Фатьянова. Может, она была его любовницей и по какой-то причине решила ему отомстить. Может, он обещал на ней жениться...

– И эту версию надо как следует проработать, ибо она тоже трещит по швам, – ответил я. – Откуда дамочка могла знать, что именно сегодня ты достанешь договор из сейфа и положишь его на стол, а потом уйдешь из конторы, забыв его спрятать?

– Да не знала она ничего! – возразила Ирэн. – Шла напролом к своей цели, думая только о том, как завладеть договором, и всё! Ты вспомни, с каким любопытством она рассматривала папки с заявлениями? Она искала его! И вдруг – какое везение! – видит договор на моем столе. Дамочка начинает пудрить мне мозги, сходу придумывая историю про Максима Блинова. Наконец, улучила момент и сунула договор в сумочку.

– А откуда Фатьянов узнал о том, что ей удалось похитить договор?

– Он ничего не узнал. Он просто следил за ней, потому что знал о ее гнусных намерениях шантажировать его. А когда он увидел, что она зашла в то же детективное агентство, куда он несколькими днями раньше отнес договор, то все его сомнения сразу отпали. Он решил, что знает про договор, что она пришла за ним, и что она непременно им завладеет. На крайний случай снимет с него копию. И тогда он решился на убийство.

Я вынужден был признать, что в рассуждениях Ирэн начинают просматриваться эмбрионы логики. Но не более того.

– В это можно поверить, но с большой натяжкой, – сказал я.

– Но почему с натяжкой?

– Если дамочка похитила договор и тем самым добилась своего, то зачем она просила меня найти какого-то придуманного Максима?

– Чтобы не вызвать у тебя подозрения!

– А какого лешего она потом села у дверей агентства и стала курить? Настоящая похитительница исчезла бы с поля моего зрения в одно мгновение!

– А это был хитрый ход! Чтобы не вызвать подозрения!

– И в машину ко мне она села, чтобы не вызвать подозрения?

– Да!

– И по той же причине она показала мне свой дом и даже подъезд, где я, если бы захотел, нашел ее с закрытыми глазами?

– Да... – ответила Ирэн, но уверенность ее начала таять.

– Вот видишь, – сказал я. – Ты уже сомневаешься...

– Но зачем же она его взяла?

– Не знаю. Может, она страдает kleptomанией, а может быть, сунула договор в сумочку случайно, вместе со своими бумагами.

– Странная особа, правда?

– Более чем, – ответил я. – Но, как бы то ни было, Фатьянова мы все равно обязаны проверить. Тем более, что у нас есть прекрасный повод: мы должны принести ему свои извинения за то, что договор оказался в руках милиции. И извиняться, моя дорогая, будешь ты.

– Конечно, – вздохнула Ирэн. – Как самое неприятное дело, так я. А ты будешь спокойно созерцать мое унижение?

– Нет, я буду держать около его головы «макаров», что поможет ему проявить полное великодушие. Кстати, а на какой машине он приезжал в агентство?

Ирэн молча пожала плечами.

– Не видела, или не определила марку автомобиля? – уточнил я.

– Обижаешь, начальник! Когда это я не могла определить марку автомобиля?

То ли спиртное начало действовать, то ли после откровенного разговора с близким человеком возник эффект облегчения и иллюзорной ясности – не могу сказать точно, что именно, но мое положение уже не казалось мне столь тяжелым. Шурша шинами и ослепляя нас мощными фарами, в «рукав» заехала очередная машина с влюбленными. Наверное, это место никогда не пустовало. Мы с Ирэн, освещенные с ног до головы, почувствовали себя словно на театральной сцене. Меня иногда раздражает бесцеремонность некоторых людей, которые считают, что весь мир принадлежит им. Могли бы погасить фары или поставить машину мордой к лесу.

Ирэн повернулась к морю и облокотилась на перила. Я пошел к «опелю» за бутылкой. На сегодня хватит травить себе душу. Я должен успокоиться, напиться и выспаться. А завтра утром я позвоню Федьке Новорукову и спрошу у него, с каким успехом идет расследование убийства. Может быть, они уже поймали убийцу и раскололи его на чистосердечное признание. Тогда я подвезу «макаров». И еще подарю Федьке старый черно-белый снимок, где мы с ним в обнимку сидим на броне бронетранспортера, черные от копоти и пыли, в рыжих бушлатах, с небритыми физиономиями и с «калашами» наперевес – память о том счастливом времени, когда верили друг другу, как самим себе.

Глава шестая. Карты раскрыты

Я просунул руку в открытое окно и ухватил бутылку за горлышко, как вдруг услышал сухой щелчок выстрела. Ирэн тихо пискнула. Я выронил бутылку и, выпрямляясь, больно ударился затылком о потолок машины. Не помню, как в моей руке оказался «макаров» и когда я успел его перезарядить. Со всех ног я кинулся к Ирэн, нет, даже не побежал, а прыгнул в ее сторону. Из-за ослепительно полыхающих фар раздался еще один выстрел, и рядом с туфлями Ирэн лопнул, превратившись в пыль, камешек. Она присела и машинально прикрылась руками – то ли от пуль, то ли от света. Я выстрелил безрассудно, управляемый рефлексами, в темноту, в невидимую машину, которая пряталась за фарами, затем схватил Ирэн за плечи и повалил на землю рядом с бордюром. Из темноты выстрелили снова, и я, прижимая рукой голову Ирэн к земле, уже под завязку наполнился бойцовскими эмоциями. Первый испуг, который обжег мне сердце, прошел, я видел перед собой горячее, с полыхающими глазами чудовище, чувствовал в своей ладони наждачную поверхность пистолетной рукоятки, и это простое, лишенное двусмысленностей расположение вещей помогло меня выстрелить несколько раз, но уже прицельно, спокойно и без пауз.

Где-то в темноте хлопнула дверь, машина, подняв известковую пыль и с хрустом перемазывая тяжелыми колесами щебень, дала задний ход, затем круто развернулась и помчалась по дороге. Теперь я смог распознать марку. «Ленд-крузер»! Я снова вскинул руку с пистолетом, остановил дыхание и послал пулю точно в красный габаритный огонек. И тотчас ствольная крышка отскочила назад, оголив ствол. Патроны кончились. Машина скрылась за деревьями, и нас снова окружила тишина.

Я кинул «макаров» под ноги и схватил Ирэн за руки.

– Ну! Скажи что-нибудь! – крикнул я. – Чего воды в рот набрала?

– Посмотри, что с моим платьем! – заскулила она, поднимаясь на ноги. – Идиотка! Если бы я знала, что с нами будет... В кафе собралась... Дура...

Невероятно, но ни одна пуля Ирэн не зацепила! Выпачканная в известковой пыли и облитая лунным светом, она казалась ожившей гипсовой статуей, на которую шутники натянули платье.

– Самое лучше платье! – всхлипывала она, тщетно пытаясь отряхнуться. – На кого я теперь похожа... Почему он в нас стрелял? Что за день такой проклятый?

Я почувствовал себя виноватым и на всякий случай промолчал. Хотел последовать примеру Ирэн и начать хлопать себя по заднице, но вдруг чуть выше локтя несильно засадило, словно в мой рукав угодил какой-то острый предмет: камешек, стекляшка или шип от терновника. Я осторожно тронул это место, и под ладонью стало мокро и липко.

Ирэн обратила на меня внимание и всплеснула руками.

– Да у тебя тут кровь! Ой, мама родная! Не шевелись! Посмотри, посмотри, сколько крови!

– Наверное, я поцарапался о щебенку, когда грохнулся на землю, – сказал я, стараясь успокоить Ирэн, а то ее звонкий голос начал меня утомлять.

– Иди к машине! Быстрее! У меня есть аптечка... Что ж это на нас столько бед свалилось!

Я подчинился. Пусть поухаживает за мной, заставит снять рубашку, вымажет зеленкой всё предплечье, подует на него, потом залепит пластырем. Ведь это та самая классическая ситуация, когда женщина как никогда ярко может проявить любовь и заботу: он ранен в бою с врагами, но не стонет, не жалуется, а она его лечит и волнуется, и пальчики ее ловкие, быстрые, и следы крови на рубашке напоминают бутоны роз, и теплая ночь окутывает это таинство, и атмосфера насыщена романтикой и героизмом, и вся эта процедура непременно должна закончиться если не постелью, то жаркими поцелуями...

Ну, уж дудки! Ни поцелуйчиков, ни постели не будет. Принцип жизни. Во-первых, с подчиненными я не сплю. А во-вторых, я сплю только с теми женщинами, от которых у меня голова идет кругом, и когда не спать с ними уже просто нельзя.

– Ерунда, – сказал я. – Кровь уже не идет. Пусть подсохнет.

Но Ирэн меня не слушала. Она подтолкнула меня к капоту, от которого еще тянуло жаром, включила фары и вынесла аптечку.

– Снимай рубашку! – скомандовала она.

Ну вот, всё идет так, как я предполагал. Увидев, что я не тороплюсь, она принялась сама расстегивать пуговицы. Когда она начала стаскивать рубашку с плеч, я почувствовал острую боль и невольно промычал.

– Какая щебенка, какие царапины?! – ахнула Ирэн, глядя на мою руку и морща лоб. – Да у тебя тут дырка от пули!

Я приподнял локоть, чтобы было лучше видно. Черт возьми, она права! Чуть ниже плеча, где остались следы от оспинок, краснела сплюснутая ранка. Точно такая же была и на внутренней стороне руки. Пуля, разрывая своей тупой мордочкой мышцы, залезла мне в руку, как крот в землю, но оставаться там не захотела и вышла с другой стороны. Особой боли я не чувствовал, рука не онемела, я свободно мог согнуть ее в локте. Слегка надавил пальцем на кожу рядом с ранкой и выдавил каплю прозрачной сукровицы. Ничего страшного. Главное, чтобы туда никакая дрянь не попала.

– Не голоси, – сказал я Ирэн. – Присыпь каким-нибудь антисептиком и туго перевяжи.

– Каким еще антисептиком? – качала она головой. – Тебе срочно в больницу надо!

– Ага, сейчас поеду! Да любой фельдшер сразу поймет, что это след от пули и сразу сообщит в милицию.

– Вляпались мы, ах как вляпались!

– Открой же ты, наконец, аптечку и перестань скулить! – прикрикнул я, но без злости и даже весело. А почему бы не радоваться? Карты раскрыты! Убийца обнаружил себя. Да, он ездит на черном «ленд-круизере». И он боится нас.

– Тебе больно? – бормотала она, открывая пластиковую коробочку с красным крестом и вываливая ее содержимое на капот. – Потерпи, миленький... Сейчас...

Кроме бинта и нескольких упаковок таблеток от головной боли в аптечке ничего не было.

– Водкой промой и забинтуй, – предложил я. – Заживет, как на собаке.

– Ах, дура я, дура, – причитала Ирэн. – Хотела же аптечку собрать! Еще вчера об этом думала...

Она стала лить водку мне на рану, а я скрипел зубами и морщился от боли. Если бы Ирэн облила мою руку крутым кипятком, то, наверное, я испытал бы похожие ощущения.

– Негодяй, негодяй! – шептала она, старательно бинтуя рану. – Кто же это был? Ослепил фарами, чтобы мы ни номер, ни марку машины не заметили. Но мне показалось, что это был джип. Фары широко расставлены, да? Может, он спутал нас с кем-то?

Но я не верил в случайности. Особенно сегодня. Тот, кто стрелял, хотел убить именно меня и Ирэн. Он направил на нас свет фар, а потом несколько мгновений, боясь ошибиться, выжидал. И лишь потом начал палить. Если это был тот самый человек, который сегодня убил дамочку, то нельзя сбрасывать со счетов проявляющуюся закономерность. Сначала убийца расправился с дамочкой, которая зашла к нам в агентство, затем подбросил мне пистолет, чтобы упрятать меня за решетку, и вот только что попытался отправить нас на тот свет. Ради чего всё это? Дамочка, я и Ирэн представляем опасность для этого человека. Мы узнали то, что знать были не должны.

Ирэн надорвала конец бинта и завязала узелок. Потом полюбовалась на свою работу, что-то подправила и сказала:

– Голова не кружится?.. А слабость чувствуешь?.. Всё равно едем ко мне домой! Там хоть зеленка и стрептоцид есть.

Она командовала со мной с удовольствием. Для Ирэн сейчас было важнее самой заботиться обо мне, нежели чтобы я заботился о ней. Женщине проще продемонстрировать свою любовь и жертвенность слабому, больному или раненому мужчине. А перед сильным и богатым она может спасовать: что же ради него сделать, если у него всё есть, и он всё может?.. Сейчас, получается, я выглядел в ее глазах слабым мужчиной.

– Ирэн, к тебе мы не поедem, – сказал я. – Не испытывай судьбу. Этот человек так просто не оставит нас в покое и постарается довести дело до конца. И ему совсем нетрудно будет узнать твой домашний адрес.

Ирэн растерянно рассматривала мою рубашку с окровавленным рукавом. Потом положила ее на капот, придавила коленкой и рванула за рукав двумя руками. Шов с треском разошелся. Та же участь постигла и второй рукав. Две скомканные тряпочки перелетели через ограждение и скинчились в пропасть.

– Надень!

Рубашка белой птицей вспорхнула над капотом. Я поймал ее вместе со скрытым раздражением Ирэн. Девушка взяла на себя роль моего спасителя и лидера, но не справлялась с ней, потому что не знала, куда меня везти: в больницу нельзя, домой нельзя. А куда можно?.. Она помогла мне натянуть рубашку на простреленную руку и стала застегивать пуговицы. Я стоял перед ней, рассматривая ее руки. Пальцы быстро и ловко двигались по краю рубашки сверху вниз, длинные крепкие ногти щекотали кожу на животе. Голову она чуть наклонила вперед, постепенно опускаясь передо мной на корточки, и вот мне стал хорошо виден тонкий белый пробор, и ровные густые струи шелковистых волос. Моя рука невольно потянулась к ее темени, к гладким, источающим радужный блеск волосам...

– Спасибо, я сам, – сказал я и осторожно отстранил Ирэн от себя. Она выпрямилась, придиричиво поправила на мне воротник и сказала:

– Что ж, получилась неплохая безрукавка. И рану не сдавливает, так ведь? Можно еще машинкой по шву пройтись...

Она стала рассматривать и ощупывать и шов, ошестинившийся рваными нитками, словно не было сейчас ничего важнее, чем моя рубашка. Но я знал, что это всего лишь маскировка, что Ирэн с отчаянием думает о том, что теперь делать со мной, раненым и прячущимся от милиции, и что делать с пистолетом, из которого я только что стрелял. И, наверное, потому восприняла новый поворот событий с облегчением, как ответ на мучившие ее вопросы.

Мы оба вздрогнули от торопливой и зудящей музыки, которую начал издавать мой мобильник, висящий в чехле на поясном ремне. Словно кто-то невидимый грубо и бесцеремонно встрянул между нами, перебивая нас, агрессивно требуя к себе внимания и, разумеется, собираясь сказать нам не самые приятные для нас слова.

Я выдернул трубку из чехла. Она продолжала зудеть, раздражая нервы и слух, словно красная лампочка пожарной опасности на приборной панели самолета. Мой палец надавил на кнопку ответа, словно на гашетку. Я поднес трубку к уху.

– Успокоился? – услышал я голос Новорукова. – Давай теперь поговорим без торга и соплей, как мужик с мужиком. Черт с тобой, можешь не приезжать в милицию, но пистолет ты должен мне передать. И немедленно!

Я кинул взгляд под ноги. Пистолет лежал на земле, пыльный, с опустошенным магазином, с моими отпечатками пальцев на рукоятке и спусковом крючке.

– Хорошо, Федор, я готов. Где я тебя найду?

– В течение часа я буду ждать тебя в Нижней Поляне, на мосту через Шилку. Успеешь?

Мы находились в пяти минутах езды от этого места. Знал об этом Федька или нет – можно было только гадать.

– Постараюсь успеть, – ответил я.

– Постарайся, постарайся.

Мне показалось, что последние слова он произнес с плохо скрытой иронией. Я с тревогой посмотрел в глаза Ирэн. Кажется, она догадалась, с кем я разговаривал и по какому поводу.

– Поедем к Новорукову?

Я поднял пистолет с земли, рассматривая его так, словно на его матовой поверхности можно было прочесть пророчество о моей дальнейшей жизни.

– Да, к Новорукову. Он ждет нас на мосту в Нижней Поляне.

– Один?

Я не слишком уверенно кивнул. Ирэн смотрела на меня какими-то холодными, чужими глазами, в которых дрожали две маленькие луны. Я понимал, о чем она сейчас думает – не обманет ли нас следователь? Но ведь я должен был ему доверять! Должен! Должен...

– Он меня никогда не предавал, – сказал я, убеждая не столько Ирэн, сколько себя.

– У каждого предателя было в жизни первое предательство, до которого он никогда не предавал... – произнесла Ирэн. – А как ты ему объяснишь, куда делись пять патронов?

– Так и объясню, – ответил я и качнул забинтованной рукой.

Ирэн пожала плечами, словно хотела сказать: этой твой друг, тебе и решать. А у меня стало светлее на душе. Надежда впорхнула в нее, как птица Феникс, освещая перспективы моей жизни. Если Федька говорит, что в милицию идти уже не надо, значит, нужен я им, как собаке пятая нога. По всей видимости, подозрение с меня сняли. Я не удивлюсь, если Федька скажет, что полчаса назад задержали преступника на «ленд-круизере», и он уже начал давать показания. Тогда вообще снимаются все проблемы: и с ранением, и с ночлегом. Сначала в поликлинику, потом домой. Лучшие лекарства – стакан водки и постель. И так трое суток подряд. А на четвертые – бассейн и тренажерный зал... Стоп! Какой еще бассейн с дырявой рукой?

– Ты чего улыбаешься? – спросила Ирэн.

– От радужных перспектив, – ответил я. – Чтобы по-настоящему радоваться обыкновенной, полной рутины жизни, надо хоть немного побыть в моей шкуре. Это очень полезная терапия.

Глава седьмая. На мосту

Мы сели в машину. Ирэн, заражаясь от меня настроением, тоже несколько повеселела. Наверное, она с успехом реанимировала надежду на романтический вечер, и опять предвкушала те удовольствия, которые были с ним связаны. Затрудняюсь сказать, в какую обстановку она мысленно втыкала мой образ, и что там, в ее воображении, я вытворял, но она несколько раз спросила, могу ли я дотянуться раненой рукой до затылка и больно ли опираться на локоть? На всякий случай я ответил на все вопросы положительно, чем несколько озадачил девушку.

Мы проскочили перевал, дорога пошла под уклон, и мы увидели огни поселка.

– Высади меня на автобусной остановке, – попросил я. – До моста я сам дойду.

Хотя эта мера предосторожности казалась мне лишней, я все же предпочитал не впутывать Ирэн в свои проблемы. Засветится перед милицией и забудет, когда спокойно спала.

Но Ирэн возразила:

– Вот еще! Будешь ты с больной рукой по темной набережной шлындать!

И, не снижая скорости, въехала в поселок. Ну что я могу с ней сделать? Ради того, чтобы доказать мне свою верность, она запросто сядет со мной за решетку. Влюбленная женщина – это бронетранспортер, который всегда едет только в одну сторону – туда, куда направляют ее чувства. И трудно найти препятствие, способное ее остановить.

– Ладно, только ты не выходи, – предупредил я. – И не предлагай ему сесть в машину. Веди себя как водитель такси.

Ирэн ничего не ответила. Я понял, что она будет вести себя так, посчитает нужным. А если принять во внимание ее возбужденную жертвенность, то поведение моей коллеги в ближайшие минуты вообще не поддавалось прогнозированию.

– Что это? – произнесла она и чуть подалась вперед, всматриваясь в калейдоскоп ночной набережной.

Дорога сужалась. Стоящие по ее краям кафе и пивные впились в серую ленту асфальта, словно клещи в ухо собаки. Разбрызгивая во все стороны разноцветные блики, кружились, взрывались, мерцали и маячили неоновые вывески, и всё – стены, люди, деревья – было покрыто разноцветными пятнами. Потому мы с Ирэн не сразу заметили затерявшийся в этой палитре синий проблесковый маячок милицейской машины. Ирэн сбавила скорость до минимума. Улица была переполнена людьми. Они были веселы, накручены отпускными заботами о том, где интереснее и вкуснее потратить деньги, не замечали ни «опель», и непрерывным потоком переходили улицу перед самой машиной, вытирая своими бедрами фары. Мы еле ползли, словно судьба давала нам время одуматься.

– До моста еще прилично будет, – произнес я.

– Может, авария? – вслух подумала Ирэн.

Мы не знали, что делать. «Опель» медленно катился к милицейской машине, перегоревшей дороге. В обе стороны от нее тянулись автомобильные очереди.

– Наверное, авария, – повторила Ирэн. Отблески милицейского маячка уже заполнили салон «опеля», и прыгали по лицу и плечам Ирэн.

Я не верил в случайности.

– Ирэн, остановись!

– Это авария, – упрямо повторила она. Слишком велико было ее желание избавиться от пистолета, а вместе с ним со всеми проблемами, которые стояли между мной и ею, как толпа суетных, шумных и неопрятных людей. Какой с ними может быть романтический вечер?

Мы приближались к затору. Я видел, как милиционер взмахнул палкой, приказывая идущей впереди нас белой «ниве» принять вправо и остановиться.

– Это недолго, – произнесла Ирэн. – Сейчас растащат битые машины, и поедем дальше.

Но я, как ни тарашил глаза, не видел битых машин. «Нива» остановилась, примкнув к хвосту очереди. Милиционер, подошедший к ней, шлепнул ладонью по лобовому стеклу. Водитель тотчас выскочил, открыл багажник и торопливо полез в карманы за документами.

– Это не авария, Ирэн, – произнес я. – Это нас ищут!

Ирэн испуганно взглянула на меня и все же попыталась поставить мои слова под сомнение:

– А зачем нас искать, если мы сами едем к месту встречи? Вот мы, покорные и законопослушные...

Навстречу нам, оглушая поселок нарастающим ревом двигателя, неслась серебристая «нексия». Она уже прошла милицейский кордон и теперь пыталась компенсировать потерянное время за счет скорости. Я успел только подумать о том, что у водителя «нексии» можно было бы узнать о причине затора, как Ирэн часто «поморгала» фарами и, высунув руку в окно, стала отчаянно махать. «Нексия» завизжала тормозами и остановилась напротив нас. Бесшумно опустилось стекло. В темном проеме показалось не очень доброжелательное лицо молодой дамы в темных очках и малиновом платке, который туго стягивал ее круглую, как слива, голову.

– Скажи, подруга, что там за пробка? – весело спросила Ирэн.

Хозяйка «нексии» выплюнула жвачку и, по-лошадиному высоко поднимая верхнюю губу, отчего оголились не только зубы, но и розовые десны, коротко ответила:

– Не знаю... Говорят, на мосту застрелили кого-то. Теперь, значит, обыскивают все машины. Хотят найти убийцу...

И тут она вдруг громко заржала, высоко задрав подбородок и шевеля оттопыренными губами. «Нексия», словно была телом этой лошадиной дамы, тотчас сорвалась с места и жизнерадостно поскакала по набережной.

Ирэн кинула на меня короткий и полный отчаянья взгляд. Я не знал, что ей сказать. Слишком трудно было поверить в то, что за словами «застрелили кого-то» стоит Федька Новоруков. События разворачивались в столь стремительном темпе, что я не только не мог дать им какого-либо объяснения, но они просто не укладывались в моей голове. Хотелось сказать... нет, хотелось крикнуть во всю силу: «Этого не может быть!» Хотелось тряхнуть головой, пощипать себя за щеки и проснуться...

Милиционер, исподлобья наблюдавший за нашим крадущимся продвижением, поднял палку, нацелил ее в лобовое стекло «опеля», затем ловко покрутил ее, подражая пропеллеру самолета, и указал на обочину. Слишком поздно было готовиться к встрече с представителем правопорядка, обдумывать свои действия и слова. Ситуация оказалась настолько неожиданной и невероятной, что ум – царь, хозяин и главнокомандующий моего тела – с позором отдал все бразды правления инстинктам, этим тупым и грубым погонщикам скота, способным лишь уподобить меня животному. Но именно животный страх, а не размышления, могли спасти. Покорившись чувствам, которые гнали меня прочь от милиции, от «мигалок» и автомобильной очереди, я схватился обеими руками за руль, чтобы развернуть машину в обратную сторону. Ирэн отреагировала одновременно со мной; мы в четыре руки круто вывернули руль, Ирэн надавила на газ, и «опель», заглушая своим ревом пляжную музыку, помчался по узкой улочке поселка в сторону гор, покатые и темные спины которых заслоняли звездное небо.

– Кирилл, что же это такое?! – кричала Ирэн, беспрестанно ударяя по кнопке сигнала и толчками пробиваясь через плотный поток отдыхающих. Они лезли на свет фар, словно разноцветные мотыли, разодетые то в пестрые сарафаны, то в шорты и майки, то почти голые, в узких веревочных купальниках, с малиновыми солнечными ожогами, с шелушащейся кожей, толстые и худые, пьяные и очень пьяные, лысые, патлатые, потные, но все с одинаково деформированными глупо-сытыми от счастья лицами. Ирэн тоже было страшно, она тоже отдалась

во власть инстинкта и убегала куда глаза глядят от милиции, и круговерть улыбающихся масок вокруг машины едва ли не заставляла ее плакать.

Сам не знаю, как ей удалось проехать через весь поселок и ни разу не врезаться в какую-нибудь улыбающуюся физиономию. Мы вырвались из бурунов массового веселья и, словно в ночное море, окунулись во мрак ночи. «Опель» бежал вверх, к перевалу, и огни поселка, мерцающие в зеркалах заднего вида, мельчали, дробились, затухали, проваливаясь куда-то вниз, как если бы мы набирали высоту на самолете. Мы проскочили перевал, затем «рукав», откуда совсем недавно мне привиделся радужный свет, и откуда с легким сердцем мы скатились в поселок.

Меня не оставляло чувство, что всё изменилось радикально. Мое взбудораженное, будто замутненное бурей сознание еще не могло с прозрачной ясностью представить себе то, что случилось. Может, мы зря кинулись прочь? Может быть, на мосту подрались пьяные курортники, и кому-то проломили бутылкой голову? Почему мы с Ирэн сразу поверили словам незнакомой женщины с лошадиными губами, которой кто-то сказал, что кого-то убили? Есть у детей забавная игра, которая называется «испорченный телефон». Малыши весело смеются, когда за время долгого пути, слово, произнесенное шепотом и преодолевшее многочисленные уши и губы, превращается совсем в другое, но похожее по звучанию: «сон» в «сома», «осёл» в «мосол», «букашка» в «какашку»... Может, и мы с Ирэн сейчас напоминали таких детей?

Я торопливо выхватил из чехла телефон. Ирэн сразу поняла, по какому номеру я хочу позвонить, и, чтобы не мешал натужный рев мотора, притормозила и остановилась на обочине. Я с нетерпением набрал номер Новорукова... Длинные гудки... Длинные гудки... Щелчок. Затем шум ветра, рычание машин, чей-то приглушенный крик: «Тихо всем!», и нарочито спокойный, незнакомый голос:

– Слушаю вас!

– Мне нужен Новоруков, – тихо произнес я.

Пауза. Шум ветра, гробовое молчание. Словно человек, который ответил мне, закрылся ставнями, но дырявыми, исполосованными щелями, и через них я видел его искаженное лицо, и безмолвно шевелящиеся губы, и как он отчаянно жестикулирует, приказывая сыщикам то ли записать разговор на магнитофон, то ли запеленговать мое местонахождение...

– Аллё! Вы слышите меня! – снова прозвучал тот же голос. – Э-э-э, простите за любопытство, но я хотел бы узнать, кто его спрашивает...

Никогда, не при каких обстоятельствах Федька Новоруков не отдал бы свой мобильник в чужие руки! Если, конечно, был бы жив.

Я с силой надавил на кнопку, отключая питание в телефоне.

– Гони!!

Ирэн с силой вцепилась в руль, будто бы это был рычаг скорости. Я обернулся. Сзади – чернота, никакого проблеска. Если они успели записать номер машины, то Ирэн теперь придется шлепать по скользким туманным дорожкам злключения вместе со мной.

– Выброси пистолет! – крикнула она, едва вписавшись в крутой поворот.

Я наклонился и вынул из-под сидения «макаров». Поднес его к лицу, рассматривая матовую черную поверхность смертоносного металла. Насмешка судьбы: этим пистолетом сегодня пользовались убийца, которого я должен найти, и пользовался я, которого убийца мечтает убить. Пистолет предан и продажен, как забитая дворняга. У кого в руках, тому и служит. Более дерьмового куска металла, чем оружие, человечество не создавало... Я замахнулся, чтобы отправить пистолет в придорожные кусты, но вдруг передумал. Кинул его под ноги.

– Зачем он тебе? – едва ли не со слезами в голосе спросила Ирэн.

Глупый вопрос – зачем пистолет? Чтобы орехи колоть.

Мы поднимались вверх – поворот за поворотом, поливая светом фар придорожные кусты и тощие запыленные акации, неумоимо, целеустремленно, словно божья коровка, ползущая

по травинке на ее высшую точку, чтобы там расправить крылышки и взлететь. Ирэн крутила руль в ровном ритме: влево, вправо, влево, вправо, и это чем-то напоминало танец за банкетным столом, когда гости пьяны, ленивы и неповоротливы, а музыка заставляет двигаться, хоть как-нибудь, хоть не отрывая зада от стула...

Свет выхватил из темноты грунтовку, которая тонкой ветвью отходила от ствола. Дорога виноградарей. Каждую весну ее прокладывают по-новому, и ведут ее к виноградникам. А там она блекнет, уходит на нет и теряется в выжженных ложбинах между пологих гор. На мелком щебне, который покрывал ее тонким слоем, не остаются следы. Лучшего места, чтобы спрятать «опель», трудно найти.

– Сворачивай на грунтовку!

Ирэн кивнула, будто хотела сказать: конечно, надо уходить с шоссе, я уже сама об этом подумала. Не снижая скорости, «опель» выскочил с асфальта. Шины зашуршали о гравий, поднимая клубы серой пыли. Лучи фар превратились в два мутных конуса. Видимость упала до нескольких метров. Мы мчались как в тумане. Под колеса кидались бугры и кочки, затопленные черными теньями, словно дегтем. Из мутного мрака на нас надвигались ряды белых опорных столбов, переплетенных проволокой и кудрявыми змеевидными лозами. «Опель» жалобно визжал, рычал, подскакивал на дорожных неровностях, словно измученное жестоким погонщиком выюжное животное. Ирэн с искаженным от напряжения лицом крутила руль, и мне казалось, что она пытается удержать за рога разъяренного быка, а он сердито крутит головой, не желая подчиняться.

Дорога вильнула в сторону, огибая виноградник, и машина по инерции проехала еще несколько десятков метров по жесткой и короткой, как щетина, степной траве. Ирэн затормозила, затянула ручник и заглушила двигатель. Минуту мы сидели молча в полной темноте и тишине, потом я открыл дверь и вышел из машины.

Мы находились в глубокой ложбине, закрытой с трех сторон и оттого похожей на окоп для какого-то необыкновенно огромного танка, и тяжеловесные тела пологих гор подпирали горбатыми спинами щедрое на звезды небо. Теплый воздух был насыщен запахами пыли и пряностей. Ковровая трава пружинила под ногами, притягивала к себе, обещая комфорт и покой. Я сел, потом лег, раскинув руки и ноги, и уставился на звезды.

Неслышно ко мне подошла Ирэн. Она встала передо мной, загорелая, в черном платье, а потому невидимая, бесплотная, напоминающая тень без объема и тепла. Царица ночи! Опустилась на колени и замерла. Глаз не видно, лица не видно. О чем думает, куда смотрит – загадка.

– Теперь он начал убивать тех, с кем я общался, – произнес я. – Гадкое чувство. Словно я прокаженный: к кому прикоснусь – тот обречен... Без Федьки мне теперь конец...

– Нам конец, – поправила Ирэн. – Нам.

Опять эта жертвенность! Никуда от Ирэн не скроешься. Залез на плаху, но не успел рассмотреть ее как следует, да примериться к ней, как моя очаровательная коллега тут как тут: я с тобой! А ведь могла сказать: да, Кирилл, ты вляпался! Как я тебе сочувствую! И что ты теперь будешь делать? Как дальше жить думаешь? Всё время в бегах?

Мобильник, который я машинально затолкал в карман (лишь бы с глаз долой!), мешал мне наслаждаться ровным и мягким рельефом альпийского луга. Пришлось ухватить его за антенну, словно таракана за ус, и вытащить.

– Ну что, стукач? – спросил я, обращаясь к трубке. – Передал убийце все мои разговоры с Федькой? Позволил мокрушнику подслушать нас? И что теперь с тобой делать? В землю закопать или камнем разбить?... Молчишь!

– Ты думаешь, что убийца подслушал ваш разговор?

– А как еще он мог узнать, что Новоруков ждет меня на мосту? – спросил я и сам ответил: – Никак не мог. Никак! Ни одна живая душа на свете не могла знать, что на этом проклятом мосту я должен был передать Федьке пистолет. Но этот подонок на «ленд-крузере»

узнал! Он подслушал! Он все время шел по моим следам, словно по радиомаяку! Его «ленд-крузер», наверное, набит подслушивающей и пеленгующей аппаратурой. Гениально! А я не догадался вовремя выключить мобильник. А выключил бы – остался бы Федька жив, и я бы пулю не поймал...

Горький комок подкатил к горлу. Глаза потяжелели, наполнились слезами, словно я стоял у дымного костра. Ирэн нашла в темноте мою руку, слегка сжала ее. Успокаивает! Зачем меня успокаивать? Я ведь не ребенок, страхи которого так легко развеять, убедив, что Карабас Барабас – это сказка. Я ведь прекрасно, лучше других понимаю, какие ошибки успел сегодня совершить, и к чему они привели. И чужое мнение, чужое сопереживание мне совсем ни к чему... Я отдернул ладонь, вытер глаза.

Конечно, мне было горько осознать, что Федька, мой боевой товарищ, погиб не в бою, не на чужой земле, а в курортном поселке, у теплого спокойного моря, от пули какого-то морального урода. Вот этого я меньше всего ожидал. Я был уверен, что это моя жизнь висит на тонком волоске, что она не стоит ломаного гроша, и был готов к выстрелу, удару ножом, падению мешка на голову или полету с обрыва в море. Я чувствовал себя приговоренным к смерти за какие-то тяжкие грехи. А Федька? Он был защищен законом, он неприкосновенен, у него иммунитет. Это несокрушимый монолит вроде прибрежной скалы; танк, который способен сокрушить любые стены на пути к истине; бессмертный рыцарь, закованный в доспехи!

Но произошло нечто невероятное. Федьку убили. Несколько минут спустя после того, как я с ним поговорил по телефону. Монолит рухнул. Я продолжал прятаться от милиции, истекать кровью и ломать голову над вопросом: кому это всё нужно, а он уже лежал в морге на прозекторском столе, голый, синий, холодный...

Глава восьмая. Взгляд в туман

... Я, наверное, проспал час или два, потому что, открыв глаза, увидел ослепительно яркую луну, висящую прямо над моей головой. Ложбина, покатые склоны гор, белые столбы виноградников и «опель» были залиты мертвенным светом. Я видел море, усыпанное серебристыми искрами, и бугристую береговую полосу, похожую на скопище неуклюжих, тучных животных, пришедших на водопой и застывших в утолении жажды.

Ирэн сидела рядом со мной и осторожно царапала ногтями мою щеку.

– Уже третий час, – сказала она. – Поедем?

Сон, даже если он короткий, все равно проводит черту, разбивая жизнь на мелкие части и отделяя «вчера» от «сегодня». Кошмар с убийствами, гонки по ночной дороге – все это было вчера. Тот день безвозвратно ушел и больше никогда не наступит. Может быть, сегодня будут новые убийства и новые гонки. Но это будет уже сегодня.

Я вскочил на ноги и тотчас вспомнил про раненую руку. Наверное, во сне я отвык от своего незаурядного состояния, потому как боль показалась мне более выраженной, чем это было вчера. К тому же повязка насквозь промокла от крови, и рана горела, словно под повязку каким-то чудом угодил маленький паяльник, а какая-то сволочь не поленилась воткнуть вилку в розетку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Ирэн.

Меня знобило, все чувства притупились, в голове было тяжело, словно после крепкой попойки, но я ничего не сказал Ирэн, лишь махнул рукой. Мы сели в машину. Ирэн запустила мотор, я тотчас включил отопитель, но комфортнее мне от этого не стало. Ирэн, с тревогой поглядывая на меня, тронулась с места и медленно покатила вдоль виноградника. Я даже не поинтересовался у нее, куда мы едем. Безразличие и отупение взяли власть над моей волей.

Ирэн протянула руку и положила ее мне на лоб. Ладонь ее была легкой и прохладной, словно лист бумаги.

– А ты горячий, – сказала она.

– Это лучше, чем если бы был холодный, – попытался пошутить я.

Мы выехали на шоссе и свернули направо. Я продолжал молчать, полностью доверившись своей коллеге. Ей очень хотелось этого – чтобы я молчал и еще долго оставался таким же покорным и доверчивым. Что ж, пусть подчиненная посуется, поухаживает. Это иногда приятно, от этого мужское самолюбие млеет и насыщается положительными флюидами.

Дорога, словно уставшая птица, устремилась вниз, и вскоре вытянулась вдоль моря. Теперь оно напоминало огромную чашу с жидким лунным светом. Ирэн сбавила скорость и стала вглядываться в смутные контуры деревьев и кустов, за которыми изредка проглядывали угловатые крыши. Это была крохотная, в пять или шесть домов, деревушка без названия. На карте она была обозначена клопоподобными кубиками, раскиданными по широкому дикому пляжу. Здесь было так дико и тоскливо, что даже самые ярые любители дикого туризма обходили это место стороной.

Ирэн осторожно подъехала к руслу реки, высохшей в это засушливое лето до белой пыли, куда-то свернула, дала задний ход, еще раз повернула и остановилась у глухих металлических ворот, из-за которых, словно жирафы из вольеры, выглядывали тяжелые от персиков ветви.

– Посиди, – попросила Ирэн и легко выскочила из машины. Я смотрел на нее, на то, как она старалась показать мне свою деловую хватку, организаторские способности и неиссякаемую бодрость. Отношения мужчины и женщина – это тоже разновидность бизнеса, в котором происходит взаимная купля-продажа друг друга, и в нем обязательно присутствует реклама. Вот уже несколько часов кряду Ирэн старательно рекламировала мне себя. И ни разу не подумала о том, что от избытка рекламы иногда хочется завять и выключить телевизор.

Вскоре Ирэн вернулась. Створки ворот распахнулись, и я увидел мелкую старушку в длинной, до пят, ночнушке, с босыми ногами и седой, как луна, непокрытой головой.

– Этой бабушке цены нет, – сказала Ирэн, прыгнув за руль, и загнала машину во двор, похожий на мышеловку. – Что больше всего ценят отдыхающие, которые снимают комнату? Ненавязчивость и невидимость хозяев. Как-то я пристроила здесь своих родственников из Лахденпохьи. Они месяц здесь жили, и бабушку видели всего два раза.

– Не расслышал, откуда приехали твои родственники?

– Из Лахденпохьи. Это город в Карелии.

Мы вышли. Выбеленный домик с надстройкой, похожий на большой скворечник. Над головой проволочная сетка, овитая виноградом и здорово напоминающая сетку маскировочную. По периметру двора персиковые и вишневые деревья и цветы. И сладкий, дурманящий запах ночных фиалок.

Старушка протянула Ирэн ключи, сказала, что «постель готовая» и заперлась в доме. Ирэн взяла меня за руку и повела к деревянной лестнице, ведущей в «скворечник». Мы поднялись выше сетки, до уровня верхних веток вишни. Ирэн по ходу сорвала горсть почти черных, пузатых ягод и затолкала мне в рот.

– Тебе здесь нравится? – шепнула она и вдохнув полной грудью, окинула взглядом отягощенный фруктами пышный сад.

Я плевался во все стороны косточками и не смог дать на этот вопрос развернутый ответ. Ирэн первая поднялась на скрипучий балкончик, доски которого прогибались под ее ногами, не без труда открыла ржавый амбарный замок, перекошенную дверь, и вошла внутрь.

Щелкнул выключатель. Немоощная лампочка под низким потолком загорелась желтым подвальным светом. Из распахнутого окна выскочил черный кот с белым воротничком, ловко запрыгнул на перила, а с них – уже не спеша, с полным достоинством – перешел на ветку персика.

Стараясь не задерживаться на балкончике, который держал меня на пределе возможностей, я зашел в нашу с Ирэн комнату, в наше тайное место, в нашу схоронку, как говорили в старину. Это был умеренно уютный курятник с большой двуспальной кроватью (Ирэн неисправима! Знала, куда привести!), сколоченной из брусков и вагонки, с платяным шкафом, обклеенным вырезками из старых журналов, с трюмо, зеркало которого было затуманено временем и решительно ничего не отражало, с колченогими, стоящими враскаряку, стульями, на которые вряд ли бы рискнула сесть даже кошка, да маленьким черно-белым телевизором, накрытым куском желтой скатерти.

Увидев кровать, я почувствовал себя самолетом, который с аварийным запасом топлива летит над мягким, широким, прохладно-чистым аэродромом. Сил хватило лишь на то, чтобы скинуть туфли (выпустить шасси), прижать руки к груди (выпустить закрылки) и рухнуть на кровать спиной (совершить посадку). Возможно, я еще совершал какие-то движения и даже отвечал на вопросы Ирэн, но моя память, устроенная очень рационально, весь этот мусор напрочь вытряхнула из головы.

... Еще до пробуждения я чувствовал, как ноет и горит моя несчастная рука. Открыв глаза, я некоторое время лежал неподвижно, глядя на ножку шкафа, на которой, намотавшись воротничком, спала кошка. По щеке и руке скользил прохладный сквознячок; он играл дырявым тюлем, который напоминал фату, и мне казалось, что в изголовье окна, в тихой задумчивости и смиренной покорности, стоит невеста.

Я перевернулся на спину, приподнял голову и посмотрел на руку. Бинт, пропитанный кровью, засох, покрылся шершавой коричневой коркой. На коже вокруг него проступили малиновые пятна, и хотя я ничего не соображал в медицине, эти пятна не вселили мне надежду на скорое выздоровление.

Что было не менее интересно, чем пятна на руке, так это отсутствие второго матраца рядом со мной. Я приподнял голову еще выше и увидел, что он лежит на полу, между дверью и кроватью, накрытый одеялом. Ага! Выходит, Ирэн проявила целомудрие и не стала спать со мной в одной кровати. Впрочем, спать с раненым, да еще и одетым мужчиной не было бы грешно даже монашке.

Только сев в кровати, я смог увидеть Ирэн. Инспектор по чистоте коммерческих сделок стояла у окна спиной ко мне, смотрелась в маленькое зеркало, закрепленное на раме, и что-то делала со своим лицом. Наверное, она услышала, как я скриплю зубами от боли, быстро повернулась ко мне и облила меня своим свежим и радостным взглядом. Я про себя отметил, что свое любимое платье она успела привести в порядок, и на нем не осталось ни пятнышка, что бы могло напомнить про наши ночные приключения.

– Ну? Как ты? Хоть немножко поспал? Рука болит? – затараторила она, присаживаясь на край кровати, словно пришла навестить меня в больницу.

Ненавижу вести какие-либо разговоры, находясь в кровати. Кровать – это место, где слова всегда лишние, и говорящий человек на ней выглядит нелепо. Поэтому я ничего не ответил и попытался встать, но Ирэн решила, что от боли у меня свело зубы, и придавила меня к подушкам.

– Лежи! Сейчас будем «криминальные новости» смотреть!

Сопротивляться девушке – еще большая нелепость, и я остался на кровати. Ирэн включила телевизор и налила из турки в чашку кофе. Поднесла мне. Это выглядело трогательно и смешно. Бедолага не знала, как еще проявить заботу. Я стал потягивать горячий кофе маленькими глотками. На экране телевизора под веселую музыку замелькали трупы, гробы, ножи и пистолеты, затем все это смешалось с омерзительными бандитскими рожами и, в конце концов, из всего этого материализовалось испуганное лицо ведущего программы.

Ирэн сделала погромче. Ведущий начал рассказывать про всякие кошмарики. Голосом и манерами он напоминал сожравшего Красную Шапочку Волка, к которому в студию уже ломились лесорубы. Сначала репортаж о крупной автомобильной аварии на трассе между Солнечным и Измайловом. Затем рассказ об учителе пения, который украл струны из школьного фортепиано и короткий сюжет про мошенника, который продавал на набережной украденные на пляже шлепанцы. В завершение программы показали эпизод о ночном пожаре в автосервисе, расположенном у развилки на Междуречье. Обитый жестью сарай с узкими зарешеченными окошками полыхает словно цистерна с нефтью. Несколько пожарных неторопливо поливают его пеной. Языки пламени лижут ночное небо...

Программа закончилась. Об убийствах дамочки и Новорукова не было сказано ни слова. Ирэн с задумчивым видом принялась прохаживаться по комнате.

– Наверное, они молчат в интересах следствия, – сказала она.

– Дело не в интересах следствия, – ответил я. – А в том, что милиция не хочет обнародовать информацию об убийстве старшего следователя. Это камень позора в собственный огород.

– Почему же они ничего не сказали об убийстве дамочки?

– Потому что милиция пришла к выводу, что дамочку, как Новорукова, убил один и тот же человек, – сказал я и, опустив чашку на пол, встал с кровати. Пройдясь, на манер Ирэн, по комнате, я встал у трюмо. Глядя на свое туманное отражение, я продолжил: – Они ищут его по всему Побережью. Описание его примет передано во все отделения милиции. Этому человеку на вид тридцать пять лет...

– Не больше тридцати, – возразила Ирэн.

– ...в его фигуре заметно пристрастие к обильной мясной пище, вину и водке...

– У него нет никакого лишнего жира! Сплошные мускулы!

– ...воинствующий эгоист, он любит пудрить головы женщинам, но его отношения к ним никогда не бывают серьезными...

– На самом деле он верный друг и хороший товарищ.

– ...лицо круглое, нос слегка вздернут кверху, что характеризует характер вспыльчивый и упрямый; губы большие, во время разговора издают шлепки; лоб, вопреки интеллекту, высокий; в глазах трудно заметить признаки большого ума, зато отчетливо просматривается самодовольство и самовлюбленность...

– Это красивый и скромный человек, – снова поправила меня Ирэн, маникюрными ножницами срезая на моей руке бинт, – но у него есть один существенный недостаток: он любит нарываться на комплименты... Кирилл, а рана у тебя плохая.

Она с тревогой рассматривала мое предплечье. Мышца вокруг раны подпухла и стала напоминать вулкан с черным жерлом. Нездоровая краснота разлилась ниже локтя.

– Должно быть, этот негодяй, который стрелял в меня, снаряжал магазин немытыми руками, – предположил я.

– Вот что, – произнесла Ирэн, не отрывая взгляда от раны и качая головой. – Тебе срочно надо к врачу. И не просто срочно, а бегом.

– Я не возражаю, – ответил я. – Поехали в районную больницу, там работает мой знакомый патологоанатом.

– В какую еще районную больницу, Кирилл! – испуганно воскликнула Ирэн. – Ты же сам говорил, что тебя сразу же спровадят в милицию, и тобой будет заниматься, в лучшем случае, тюремный врач!

– Типун тебе на язык! – ответил я. – Но если мы сгущаем краски? Если убийцу уже поймали, а обо мне давно забыли?

– Если бы, да кабы... Мы ничего не знаем, и потому рисковать не будем! – категорическим тоном ответила Ирэн, заклеивая рану пластырем. – Пойду у хозяйки спрошу. В поселке должен быть врач.

На ходу заплетая куцую косичку, она вышла из курятника и застучала по лестнице каблуками. Продолжая всматриваться в туман, в котором скрывалось мое отражение, я пытался понять, в такой ли степени туманно мое будущее? Сколько мне еще прятаться по курятникам без документов? Как узнать, ищут меня или нет? Конечно, я лукавил, когда предлагал Ирэн отвезти меня в районную больницу. Мне просто хотелось узнать, как она оценивает наше положение. По ее мнению, наше положение безрадостное, и потому рисковать не следует. С одной стороны, она поступает разумно: осторожность не бывает лишней. Но если моей милой коллеге дать волю, то она продержит меня в курятнике до глубокой старости, окружая любовью и заботой. Это только для меня всё случившееся – скверная история. А для Ирэн – это романтическое приключение, уникальная возможность побыть со мной наедине и распоряжаться мною по своему усмотрению. И она сделает всё возможное, чтобы продлить это «чудное мгновение».

Мне бы ее проблемы!

Глава девятая. Крючок и приманка

Ирэн вернулась с тазиком и кувшином с водой.

– Всё прекрасно! – говорила она, поливая мне голову. – В поселке живет молодой хирург, который нелегально занимается частной практикой. До его дома совсем недалеко. Пять минут пешком... Ты сможешь дойти?

Фыркая, я умывал лицо, протирал глаза, полоскал рот. Брызги летели от меня, как от собаки, вышедшей на берег из реки. Ирэн накинута мне на голову свежее полотенце и помогла вытереться. Картина, по-видимому, была слащаво-идиллическая. Я даже фыркнул, представив нас со стороны, и вырвал полотенце из ее рук. Мои чувства по отношению к женщинам напоминали карбюраторный мотор. Внимание и симпатии ко мне женщина должна была подавать строго дозировано, как бензин. Чуть меньше или чуть больше – и мотор глохнет, чувства умирают. Ирэн явно перестаралась; избыточное количество ее внимания я не в силах был усвоить.

Но Ирэн этого не замечала и настойчиво сокращала дистанцию, которую я старательно поддерживал за всё время нашей совместной работы в агентстве. Кульминация наступила на лестнице, где Ирэн попыталась взять меня под руку, чтобы помочь мне сойти, и я уже готов был крепко выразиться по этому поводу, как вдруг мы оба застыли на замшелой ступеньке, с неприкрытым ужасом глядя на двор.

Рядом с «опелем», за деревянным столом, накрытым клеенчатой скатертью, расслабленно сидел милиционер и помешивал ложкой в чашке с чаем. Фуражка его была сдвинута почти что на затылок, удерживаясь там каким-то чудом. Темная короткая челка налипла на лоб. Форменная рубашка была покрыта темными пятнами пота, под мышками белели разводы. На пояском ремне, из-за которого выглядывала морщинистая резинка синих форменных трусов, болтался чехол с радиостанцией. Напротив милиционера сидела хозяйка. Блюститель порядка поднес чашку к губам, шумно отхлебнул и в этот момент увидел нас.

– Это постояльцы, Петровна? – спросил он, ворочая выпуклыми глазами, словно краб, выползший из моря.

– Ага, – подтвердила хозяйка, с умилением взглянув на нас. – Хорошие ребята...

Какого черта здесь делает милиционер? Он пришел за нами? Хозяйка выдала, или сам вычислил? И что теперь делать? Поднимать руки?.. Наверное, подобные вопросы, словно кофейные зерна в кофемолке, с бешеной скоростью кружились в голове у Ирэн. Осторожно, словно проверяя ступеньки на прочность, она снова стала спускаться. Я не сводил глаз с лица милиционера, пытаюсь догадаться о его намерениях.

– Поздно вато на море собрались, – строго заметил милиционер, словно хотел поставить под сомнение утверждение хозяйки, что мы «хорошие ребята». Он снял фуражку, протер носовым платком козырек, и снова нацепил ее на затылок. – Сейчас самая жара наступит. Отдыхающие обязаны рано вставать... Мать моя женщина! Сам бы на море сходил, да трусы мочить неохота...

– Они сегодня ночью приехали, – ляпнула хозяйка, подливая в чашку кипятка. – Отсыпались... А варенье будешь, Витек?

– Нет, – буркнул милиционер. – От него пот липким становится. Я вообще стараюсь сладкого не употреблять. И лук тоже не употребляю, чтобы пот не вонял сильно. Если пот будет чистый, то можно неделями не мыться.

Мы уже сошли с лестницы, а милиционер по-прежнему не предпринимал никаких действий для нашего задержания.

– Это мой сосед Витек, – представила нам милиционера хозяйка.

Я на всякий случай приветственно вскинул кулак вверх и почему-то по-английски сказал:

– Хэллоу!

Ирэн ограничилась каким-то странным звуком, который сопровождала кивком головы, будто икнула.

Витек принял наши приветствия и опять с шумом отхлебнул из чашки.

– А загорать отдыхающие обязаны до одиннадцати ноль-ноль. А потом обязательный перерыв до шестнадцати ноль-ноль! – продолжил он назидание. – Иначе получите ожог верхних кожных покровов различной степени тяжести.

Мы, словно крадучись, медленно продвигались от стола к калитке. Ирэн поравнялась со мной и прижалась плечом к моей больной руке, закрывая ее от крабьих глаз милиционера. Я чуть не взвыл от боли.

– А они зарегистрировались у тебя, Петровна? – спросил милиционер и строго посмотрел на хозяйку.

– Нет, Витек! Я ж говорю: только сегодня ночью приехали.

– Мать моя женщина! Непорядок! Вы обязаны зарегистрироваться! – помахал нам пальцем Витек и принялся протирать платком красную шею.

Тут я с ужасом вспомнил про пистолет, который лежал в машине под сидением. Его запросто можно было увидеть, склонившись над ветровым стеклом. Вдруг милиционеру придет в голову заглянуть в салон?

Времени на раздумья не было. Нерешительностью я только вызвал бы у милиционера подозрение. Осторожно отстранив Ирэн от себя, я обошел машину и открыл дверь. Вот он, голубчик, черный, блестящий, лежит на коврик, словно негр на пляже. Это просто чудо, что Витек не заметил его... Я опустил на корточки и поднял взгляд. Милиционер меня видеть не мог, зато Ирэн тарасила на меня свои кошачьи глаза, полные замороженного испуга, будто я намеревался обезвреживать атомную бомбу. Я быстро схватил пистолет, затолкал его в карман и выпрямился.

– Сигареты забыл! – громко сказал я Ирэн, на что Витек тотчас произнес менторским тоном:

– А вот это зря! В отпуске вы обязаны набираться сил и здоровья... – Он заткнулся на середине фразы и снова отхлебнул из чашки. – Что это, Петровна, чай у тебя такой горячий? Я стараюсь поменьше потеть, а ты мне кипяток подсовываешь. Прикажешь теперь рубашку стирать?

Мы не услышали, что ответила Петровна милиционеру, вышли через калитку на улицу и плотно прикрыли за собой дверь.

– Вот это сюрприз! – возбужденно зашептала Ирэн, с опаской озираясь на калитку. – У меня до сих пор все поджилки трясутся. Ты что ж это прямо на его глазах за пистолетом полез! Дай, я спрячу его в сумочку!

– Отстань! – ответил я и участил шаги. Ирэн не отставала. – Пусть он у меня будет... Да что ты меня за ширинку хватаешь!

– Кирилл, за километр видно, что у тебя в кармане лежит пистолет Макарова!

– А больше ничего за километр не видно? Не бабское это дело – пистолеты в сумочке носить!

– Во-первых, я не баба! А во-вторых...

Мы стояли на ослепительно-белом каменистом дне высохшей реки и хватали друг друга за руки, словно очень худые борцы сумо. Ирэн проявила настойчивость, выхватила из моего кармана пистолет и кинула его себе в сумочку.

– Ты зря суетишься, – ответил я и нахмурился, тем самым показывая Ирэн, что она переходит границы дозволенного. – Никому мы не нужны, и никто не собирается нас обыскивать. Если бы я был в розыске, то этот потный Витек уже давно бы надел на меня наручники. Но он обеспокоен только тем, чтобы мы не сгорели на солнце и своевременно зарегистрировались. Ты излишне драматизируешь ситуацию! Расслабься! Шагай спокойно по дороге и радуйся солнцу!

Я говорил так громко и озлобленно, что будь Ирэн маленькой девочкой, она непременно бы расплакалась. Взрослая же Ирэн, почувствовав, что за продолжение рая в курятнике надо бороться, стала проявлять характер.

– Если Витек не надел на тебя наручники, то это вовсе не значит, что он тебя ни в чем не подозревает! – с чувством выпалила она, но, поняв, что сказала глупость, тотчас атаковала с другого фронта: – Да Бог с ним, с этим милиционером! Разве мы прячемся только от милиции? А убийцу ты не боишься? Ведь он наверняка продолжает искать нас, чтобы добить или засадить за решетку! Ты отключил мобильник – замечательно! Но этого мало! Он может выследить тебя около твоего дома, около офиса, на пляже, в баре... Да где угодно! А здесь мы в полной безопасности. Только не надо привлекать к себе лишнего внимания, Кирилл! Не надо!

Она была отчасти права, и я простил ей повышенный тон. Мы поднялись на другой берег несуществующей реки, обошли вишневый сад, огороженный рабицей, затем загон, в котором скакали и прыгали похожие на белых пуделей козлята, и вышли на асфальтовую дорогу.

– От убийцы не прятаться надо, – сказал я, провожая взглядом промчавшийся мимо нас «фольксваген». – Его искать надо... А ты знаешь, ведь я наверняка попал в тот джип, который обстрелял нас на обрыве. Значит, на его задке должна остаться отметина от пули. А это серьезная зацепка. Водитель «ленд-крузера» постарается как можно быстрее избавиться от дырки в кузове, потому что знает: пулевую отметину милиция не оставит без внимания. Следовательно...

– Следовательно, он должен был поехать в автосервис, – развила мою мысль Ирэн.

– Нет, в автосервис он вряд ли решился поехать, как я – в больницу. В автосервисе слишком много людей, начнутся сплетни, косые взгляды, в итоге кто-нибудь, спасая репутацию фирмы, позвонит в милицию... Скорее всего, он нашел маленькую, грязненькую мастерскую, выполняющую кузовные работы, и где работает какой-нибудь жестянщик дядя Вася.

Ирэн остановилась. По блеску ее глаз я понял, что девушка входит в состояние сыскного азарта.

– Кирилл, а теперь давай представим, как всё было. Мы стоим на обрыве и смотрим на море. Убийца подъезжает и стреляет по нам. Ты стреляешь по его машине. Несколько пуль оставляют пробоины в кузове. Убийца ретируется в сторону Нижней Поляны. По дороге он перехватывает твой разговор с Новоруковым. Подъезжает к мосту через Шилку и убивает следователя, который, ничего не подозревая, прогуливается по мосту, ожидая тебя. Разворачиваться и ехать навстречу нам убийца не рискует, потому продолжает двигаться дальше, в сторону Лесного, а по пути ищет, как ты говоришь, маленькую, грязненькую мастерскую. У него нет времени, ведь ему надо срочно заделать дырки, чтобы не привлекать внимание милиции, и потому он заруливает в ту мастерскую, которая первой оказывается на его пути.

Она сделала паузу и выжидающе посмотрела мне в глаза. Я взял ее под локоть и повел дальше.

– К чему это всё? – подытожила Ирэн. – Если мы прокатимся по этому маршруту, то обязательно найдем мастерскую, в которой чинился убийца. И я не пожалею денег, чтобы развязать жестянщику язык. Он мог запомнить номер машины, а найти по нему владельца – сущий пустяк. В крайнем случае, жестянщик даст нам словесный портрет убийцы. И с этими фактами мы нагрянем к Фатьянову домой и припрем его к стенке!

Молодец, Ирэн! Мне всегда нравилась наступательная сила ее мысли. На практике, конечно, она частенько пасовала, но зато мыслила всегда очень смело! Сколько раз я убеждался в том, что преступники оказывались намного более осторожными и хитрыми, чем я о них думал. Ирэн надеялась найти недалеко от Нижней Поляны мастерскую. А что если убийца попросту загнал «ленд-крузер» в свой гараж, где замазал дырки шпатлевкой и закрасил черной краской? Грубо, некрасиво, но надежно, и не надо беспокоиться, что какой-то дядя Вася продаст его за бутылку водки. Будь я на месте преступника – именно так бы и поступил. И

свою рану – такую же пулевую отметину, попытался бы залечить самостоятельно, если бы она не болела так мучительно. Но прокатиться по маршруту, конечно, не помешает.

– Как ты думаешь, очень сложная нужна аппаратура, чтобы запеленговать мобильный телефон? – спросила Ирэн. Она пребывала в творческом ударе. Ей хотелось мыслить и докапываться до истины, избавляя меня от необходимости делать это.

– Думаю, что сложная, – ответил я, хотя ничего не соображал в радиоволнах и высокочастотных средствах связи.

– Я тоже так думаю, – согласилась Ирэн. – А откуда у убийцы может быть такая аппаратура? В магазинах она не продается, сам он ее сделать не смог бы. Значит, он ее взял на своем предприятии или институте... Понимаешь, я хочу найти вектор поиска. Какие-нибудь радиозаводы, исследовательские институты или лаборатории.

Я даже невольно залюбовался Ирэн. Какие идейные глаза! А сколько в них энергии!

– А также радиолокационные и метеорологические станции, ретрансляторы, навигационные узлы, авиационные диспетчерские пункты, поисковые службы, космические части и комплексы противовоздушной обороны, – сказал я, ласково глядя на Ирэн. – Жизни не хватит, птичка, всё это проверить, даже если не принимать во внимание, что все эти объекты – режимные, и к ним тебя никто на пушечный выстрел не допустит.

Ирэн от бессилия лишь глубоко вздохнула, развела руками и выпалила:

– Если тебя послушать, то вообще ничего не надо делать, а только лежать на пляже да чаек считать!

Некоторое время она шла молча, что дало мне возможность спокойно подумать о чем-нибудь более реальном. В чем Ирэн была безусловно права – это в том, что убийца не угомонится, пока либо не прикончит меня, либо не засадит в тюрьму. Его жестокость и наглость убедили меня в этом. Значит, мы оба жаждем найти друг друга, что должно значительно ускорить процесс сближения. Но если исключить две предложенные Ирэн малонадежные цели – автомобильную мастерскую и Фатьянова, то искать убийцу мне было пока решительно негде. После того, как я отключил мобильник и спрятался в курятнике на берегу моря, у моего врага тоже наверняка возникли проблемы с поиском. Правда, убийца имел небольшое преимущество: он знал меня в лицо, знал, где я работаю и, наверняка, где живу. Я же знал о нем лишь то, что он рассекает на «ленд-крузере» черного цвета с затененными стеклами. При таком раскладе сил мы можем блуждать в поисках друг друга довольно долго, словно два дуэлянта с завязанными глазами, которых секунданты отвели в чистое поле и оставили наедине.

А что можно сделать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки? Либо каким-то чудом напасть на след убийцы, либо... либо открыться самому. Второй ход был, конечно, весьма рискованным, зато открывал широкое поле для творчества и фантазии. У меня не было с собой ни документов, ни денег, ни бритвы, ни зубной щетки, зато было всё необходимое и достаточное для успешной охоты: приманка и крючок. Роль приманки играл мобильник, а роль крючка – пистолет. Стоило мне нажать кнопку на панели телефона, как убийца запеленгует место, где я нахожусь, и помчится ко мне на своем дырявом джипе. Мне останется только подготовить хитроумную засаду...

– Пришли, – сказала Ирэн. – Вот его дом.

Глава десятая. Напоролся на гвоздь

Она постучала кулаком по почтовому ящику, который висел на калитке. Сначала отозвался огромный лохматый пес, сидящий на цепи. Он принялся хрипло лаять, прыгать и кидаться в нашу сторону с такой силой, что я удивился, как выдерживают такую нагрузку его шейные позвонки.

Вскоре из терраски вышел мужчина в тренировочном костюме и больших, с толстыми линзами очках. По дорожке, присыпанной гравием, он пошел к нам. Низкорослый, круглолобовый, лобастый, он двигался замедленно и плавно, словно под водой, и при этом смотрел себе под ноги, ничем не выражая своего интереса к нам. Пёс, увидев хозяина, тотчас заткнулся и, громыхая тяжелой цепью, юркнул к себе в будку.

Приблизившись, мужчина бессловесно открыл калитку, словно уже прекрасно знал, кто мы и по какому поводу пожаловали, лишь потом поднял на меня вопросительный взгляд. Ирэн, полагая, что мое здоровье – это ее забота, решительно шагнула вперед и спросила:

– Вы врач? Нам сказали, что здесь живет врач.

Я подумал, что он начнет сейчас дотошно расспрашивать, что с нами стряслось, но мужчина молча кивнул, повернулся и пошел к дому. Мы последовали за ним. Зайдя в терраску, он указал на табуретки и, наконец, тихим и сиплым голосом произнес:

– Слушаю вас.

Не заметить через такие мощные очки мою распухшую руку, залепленную пластырем, было невозможно, но я готов был поклясться, что взгляд эскулапа ни разу ее не осчастливил. В нем чувствовалась какая-то удивительная обстоятельность и неторопливость, словно врач строго придерживался правила не делать выводов, не выслушав пациента. Наверное, если бы я прискакал к нему на одной ноге, а вторую держал бы под мышкой, он повел бы себя точно так же.

Объяснять ситуацию начала Ирэн:

– У нас неприятность. Мы сняли комнату на берегу, а там еще идет ремонт, совсем недавно стропила поставили, и мой муж нечаянно напоролся на гвоздь, который торчал из стены.

Я едва не закашлялся, услышав «мой муж». Да ладно, прощаю. Легенду, надо признать, она слепила неплохую.

– Пройдите, – сказал мне врач, но едва Ирэн занесла ногу над порогом, тут же остановил ее: – А вы побудьте здесь.

Ирэн скривила личико, опустила на табуретку и при помощи странных жестов попыталась передать мне какую-то информацию. Я ничего не понял и, следуя за врачом, зашел в маленькую комнату, прохладную, светлую, с белыми стенами и потолком, с топчаном, застеленным клеенкой, и стеклянным шкафом с медикаментами. Врач склонился над раковиной, тщательно вымыл руки, вытер их полотенцем. Затем снял с крючка и надел белый халат и подошел ко мне.

– Где?

Я приподнял локоть. Врач посмотрел на лейкопластырь, осторожно отклеил его и установил на рану. Потом поднял мой локоть повыше, и отодрал второй пластырь. Оба отверстия он рассматривал недолго, после чего поднял глаза на меня. Огромные, серые зрачки, многократно увеличенные линзами, казалось, впёрлись в мои самые потайные мысли. Взгляд был настолько долгим и пронзительным, что мне стало не по себе. Я не выдержал, криво улыбнулся, пожал плечами и с ужасной фальшью в голосе сказал:

– Ремонт... Гвозди... Кошмар, одним словом...

– На гвоздь, говорите, напоролесь? – тихо и безразлично уточнил врач.

Первый раз за минувшие сутки я возжелал, чтобы рядом со мной оказалась Ирэн. Ложь для меня – пытка. Врать не умею, боюсь и стыжусь.

– Вроде, на гвоздь, – ответил я и уставился на окно, наполовину прикрытое шторкой на шнурке.

Врач, не меняясь в лице, подошел к шкафу, вынул пузырек с йодом и деревянную палочку с ватным скатышем. Медленно и аккуратно, словно художник, выписывающий тонкие детали, он намазал йодом кожу вокруг каждой ранки, кинул палочку в корзину, и опять принялся разглядывать мою руку – от ладони до плеча.

– Гвоздь, случайно, не был ржавым? – спросил он.

Мне показалось, что от врача тянет холодком, точнее, от его пристального взгляда, от его очков с бронированными стеклами.

– Вряд ли, – ответил я и вздохнул. – Скорее, он был покрыт оружейной смазкой.

– Лягте на топчан.

Больше он ничего не спрашивал про гвоздь, не интересовался ни его калибром, ни расстоянием, с которого я на него налетел, ни временем, когда это случилось. Придвинув к топчану табурет, врач накрыл его марлей, положил на него мою руку и попросил смотреть на стену. Что он делал с моей рукой – осталось для меня тайной, но боль была такой сильной и острой, что мне хотелось не только смотреть на стену, но и лезть на нее, кусать ее и бить по ней кулаками.

– У тебя лицо белое, – сказала мне Ирэн, когда я, покачиваясь, вышел на терраску.

– Я так громко орал, что с потолка посыпалась побелка, – ответил я.

– Голова не кружится?

– Тебе должно быть виднее...

Ирэн расслабленно улыбнулась. Она посчитала, что если я шучу, значит, чувствую себя прекрасно и полон оптимизма. Это не было правдой. Ирэн плохо меня знала. Обычно я начинал безудержно шутить, когда мне становилось совсем плохо. Защитная реакция организма.

Я, в самом деле, едва держался на ногах. Правда, боль в руке быстро утихала, но слабость действовала на меня угнетающе. Тоже, кстати, одна из моих дурных привычек: безоглядно считать себя сильным человеком. Я так привык к своей силе, что воспринимал ее как нечто само собой разумеющееся, данное мне раз и навсегда. Оказывается, достаточно было десять минут полежать на хирургической кушетке, чтобы усомниться в этом.

Я сел на табуретку, чтобы не грохнуться на пол.

Тут вышел врач. Он был уже без халата, в руке держал маленький пакетик с нарисованным на нем красным крестом.

– Здесь два шприца и две ампулы, – сказал он Ирэн. – Сможете сделать мужу укол? Сегодня вечером и завтра вечером...

Ирэн кивнула. Я тотчас представил, как она с огромным шприцем в руке склоняется над моей ягодицей, алчно замахивается и... и от этого ужасного зрелища пот выступил у меня на лбу. Нет, не сможет она мне сделать укол, не позволю! Кто, какой безответственный человек научил ее этому делу? Я так ее и спросил, когда мы вышли на улицу.

– Я два года работала медсестрой в больнице, – сказала она и покачала головой. – А ты ведь меня совсем не знаешь, Кирилл!

Я не стал развивать эту тему, опасаясь, что инспектор по чистоте может разглядеть в моих глазах любопытство к ее прошлому, несмотря на то, что это любопытство было вялым и почти нежизнеспособным. Тем не менее, мы мило поболтали о медицине и чудесах, которые она способна вытворить за какие-то вшивые сто долларов, которые Ирэн пришлось выложить. Несмотря на то, что я еле передвигал ноги, настроение мое, как атмосферное давление после грозы, стремительно полезло в гору. Может быть, эскулап ввел мне какой-нибудь эндорфин, чтобы я не грустил? Или же, в самом деле, тучи развеялись, и теперь мне не угрожали ни зара-

жение крови, ни следственный изолятор. И можно вздохнуть свободно, вернуться к нормальной жизни, снова обрести былую силу и уверенность в себе и навязать негодяю-убийце свои правила игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.